

A human skull is shown in profile, facing right. It is positioned in front of a large, vibrant red rose. The skull is light-colored, showing the eye socket, nasal cavity, and jaw. The rose has many layers of petals, creating a full, circular shape behind the skull. The background is black, making the skull and rose stand out.

Ольга Морозова

ЧЕРНОКНИЖНИК

Ольга Морозова

Чернокнижник

«Издательские решения»

Морозова О.

Чернокнижник / О. Морозова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939105-6

Попасть в сети Дьявола легко... Его планы грандиозны и сулят невиданный успех. Только человек всегда оказывается лишь жалким орудием в Его руках. Он обещает, что весь мир будет у твоих ног, а на деле все оказывается совсем не так, как мечтал тот, кто поддался на Его уговоры...

ISBN 978-5-44-939105-6

© Морозова О.
© Издательские решения

Чернокнижник

Ольга Морозова

© Ольга Морозова, 2019

ISBN 978-5-4493-9105-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1895 год, Россия

Высокая молодая девушка ходила взад-вперед по аллее парка. Она немного нервничала, ее выдавали пальцы рук, которые она то сжимала, то разжимала, то сцепляла вместе. Прохожие обращали на нее мало внимания, потому что на первый взгляд ничего особенного девушка из себя не представляла – обычная молодая девушка гуляет в парке, где и без нее очень много молодых девушек. Девушку звали Надя, или Надин, на иностранный манер, как называли ее друзья. Хотя если внимательно присмотреться, Надин была очень красивой девушкой, с тонкими чертами лица и большими черными пронизательными глазами. Ее серьезное не по годам выражение лица поначалу всегда немного отпугивало людей, но при дальнейшем знакомстве все в основном находили, что Надин очень мила и скромна. Молодые люди пытались добиться ее расположения, но Надин никому не отдавала видимого предпочтения. Она вообще была очень скрытной девушкой, никто никогда не мог понять, о чем она думает и чего она хочет.

И вот теперь эта милая девушка мерила шагами аллею в парке, явно кого-то поджидая. Парк находился на окраине города, поэтому риск встретить здесь знакомого был невелик. Судя по всему, Надин явно не стремилась к популярности. Периодически она приподнимала рукав платья и смотрела на изящные золотые часики. Ей казалось, что время идет слишком медленно.

Стояла ранняя осень, конец сентября, было тепло и сухо, хотя под ногами уже шуршали разноцветные листья – признаки надвигающихся холодов. Надин присела на скамейку. Теперь она бросала взгляд на часы почти ежеминутно. Когда стрелка достигла определенного значения, Надин решительно поднялась и хотела уйти, но тут ее взгляд остановился на стройной мужской фигуре в черном пальто, торопливо идущей по аллее по направлению к ней. Сердце у Надин забилось, она заволновалась и слегка покраснела, досадуя на себя за столь долгое ожидание. Она считала это не совсем приличным для девушки.

Молодой человек, запыхаясь, подошел к Надин, и взял ее руки в свои.

– Извините меня, ради Бога! Я не собирался опаздывать, это получилось случайно. Я ругаю себя за то, что вам пришлось так долго ждать!

Надин смутилась.

– Не стоит. Я чудесно прогулялась в одиночестве. Прекрасная погода! Правда, я собиралась уходить... но вы все-таки пришли...

– Но вы же знаете, я всегда прихожу, что бы ни случилось! Ужасно неловко, что заставил вас ждать...

– Пустяки! Забудем это! Я совсем не сержусь на вас. Глупо злиться, если я все равно дождалась.

– Вы прелесть! Я знал, что вы не уйдете.

– Вот как? – Надин сделала обиженный вид. – Вы считаете, что я бегаю за вами?

– Господи! Да конечно нет! Ну что вы такое подумали, Боже правый! Просто я был уверен, что вы держите слово! Это в вашем характере. Вы не взбалмошная капризная девица,

каких большинство, вы... вы... – очевидно, не найдя больше слов молодой человек схватил руку Надин и горячо поцеловал ее.

Поцелуй затянулся, и Надин осторожно убрала руку.

– Ну хватит... на нас уже обращают внимание. Давайте лучше пройдемся.

– Как вам будет угодно, – молодой человек с сожалением оставил руку Надин и подставил ей локоть. Они пошли вдоль аллеи.

– Вас давно не было, Савва, вы уезжали из города? – Надин украдкой бросала на Савву взгляды.

– Да, я был в деревне. Мой дядя очень плох...

– Он болен?

– Болен... да, он болен... боюсь, ему осталось немного ходить по этой земле...

– Мне очень жаль...

– Не о чем жалеть, он уже не молод...

– Все равно, живой человек...

– Вы очень добрая, Надин! А я иногда ловлю себя на мысли, что совсем не испытываю жалости... ни к кому... о чем вообще можно жалеть? О никчемной жизни? О пустой суете? Что мы оставляем здесь, что приобретаем там? Я все время пытаюсь понять, в чем смысл нашего существования, и никак не могу. Сознаюсь вам, порой мне кажется, что этого смысла вовсе нет... глупо все, глупо и бесполезно...

– Вы очень мрачно смотрите на жизнь, Савва... так нельзя. Это здоровье дяди навевает на вас такую тоску, признайтесь? Вы привязаны к нему, хотя и не хотите сознаться?

– Нет, дядя ни при чем. Я всегда об этом думаю. Смерть ждет каждого, в том числе и нас с вами. Если мы тлен, то что мы вообще здесь делаем?

– А как же вечная жизнь? Жизнь после смерти?

– Надин! О чем это вы?! Никто еще не вернулся оттуда!

– Так вы не верите?! Не верите в Бога?!

– Это вы верите, Надин, вернее, большинство из вас. Вам вбивают это в голову с детства. А я хочу знать, знать, а не верить. Я не хочу быть безмозглой пешкой, я хочу всё решать сам.

– Помилуйте, но кто же решает за вас? И что всё вы хотите решать?

– Я хочу творить историю, а не быть ее винтиком! Но, по-моему, мы слишком далеко зашли с вами, – Савва внезапно осекся, – это досужие разговоры. Не берите в голову, Надин. Просто у меня скверное настроение сегодня, но я не хочу портить его вам. Давайте поговорим о чем-нибудь более приятном.

– С вами так не получается... вы не умеете говорить о приятном. Странно, но мне это нравится, я и сама не очень люблю приятные темы.

– О! Так вы мрачная особа! – Савва засмеялся.

– Пожалуй. Но мне все равно, что обо мне думают.

– Именно это я в вас и ценю. Вашу независимость. Нынешние барышни очень зависят от мнения света, боятся, как бы о них чего не подумали, но вы не такая. Я это сразу заметил.

Савва отбросил волосы со лба. Он был худ и черноволос, под стать Надин. Только глаза у него были зеленые с желтизной. Удивительные притягивающие глаза. Когда Савва смотрел прямо в глаза Надин, она чувствовала себя так, будто ее парализовало. В такие минуты Надин могла сделать для Саввы все, что угодно. Ей очень не хотелось, чтобы он догадался об этом, поэтому она всегда тщательно следила, чтобы не встретиться с Саввой глазами и отводила взгляд, если он пытался заглянуть ей в лицо. Надин подозревала, что Савва знает о необычном свойстве своего взгляда и при случае может это использовать.

Савва ей нравился, но быть послушной марионеткой она не хотела.

– И только поэтому вы общаетесь со мной? – Надин бросила хмурый взгляд на Савву. – Потому что я якобы не ценю ничье мнение?

– Ну конечно же нет, Надин! Вы сегодня слишком обидчивы, но это я виноват. Не нужно было заставлять вас так долго ждать. Помилуйте грешника!

– Я вас уже давно простила. Сразу простила... видимо это осень так действует на меня. Мне все время грустно осенью, не знаю почему... но это приятная грусть. Я люблю осень, а вы?

– Я тоже. Мне осенью становится спокойно. У нас много общего с вами, вы не находите? – Савва сжал пальцы Надин, и она почувствовала, какие они холодные.

– Вы долго пробудете в городе? Или опять уедете в деревню?

– Не знаю, может, неделю. Потом уеду, конечно. У дяди, к сожалению, нет больше родственников кроме меня. Я должен быть рядом, если случится худшее... он умолял меня не оставлять его надолго...

– Я вас понимаю. Вы и зиму пробудете в деревне?

– Как позволят обстоятельства. Я пока ничего не знаю. Но я буду скучать без вас... очень скучать...

– Вы найдете там хорошенькую деревенскую кумушку и будете коротать вечера в милой компании. В деревне люди не такие лицемерные, как здесь. Очевидно, близость к природе действует на них по-особенному. Камин, огонь, треск поленьев... я думаю, вы не будете скучать!

– Никто не заменит мне вас, Надин! Вы можете приехать ко мне, если захотите... это не так далеко.

– Я подумаю над этим. Возможно, я и приеду. Но вы ведь еще не уехали. Сколько времени? Начинает темнеть! Мне пора, матушка будет волноваться, я сказала ей, что ухожу ненадолго навестить подругу. Не хочу пока ей ничего говорить, – Надин перехватила взгляд Саввы, – зачем? Она напридумывает невесть что. Спит и видит как бы выдать меня замуж. Иногда она бывает просто несносна! Если она узнает про вас, то замучает меня вопросами.

– А вы знаете, я не прочь познакомиться с вашей матушкой... а батюшка ваш где?

– Он умер, когда я была еще маленькой. Упал с лошади, потом долго болел и скончался. Я его почти не помню. Но он был хорошим человеком, как говорят... матушка каждый день за него молится, – Надин вздохнула, – вы уверены, что хотите попасть к нам на ужин?

– Да, а что здесь такого? Вы могли бы представить меня как своего друга для начала. Нет, я ни на что не намекаю, просто мне бы очень хотелось бывать у вас дома.

– Ну хорошо, я как-нибудь приглашу вас.

– Я буду ждать, милая Надин. Ждать и надеяться. Надеюсь, ожидание не будет напрасным.

– Вы ставите меня в неловкое положение, Савва! Мне нужно дать ответ сейчас?

– Как хотите. Можете написать мне...

– Я напишу вам... обязательно. А теперь мне пора...

– Постойте! – Савве удалось перехватить взгляд Надин, и она оробела.

– Конечно, я пришлю вам приглашение в самом ближайшем будущем...

– А потом приедете ко мне в деревню? – Савва не сводил с Надин взгляд.

– А потом приеду в деревню, – Надин с трудом опустила в глаза.

– Вот и хорошо, – Савва с облегчением вздохнул.

Они уже вышли из парка и поймали экипаж. Савва помог Надин сесть, постоял немного и пошел пешком в противоположную сторону.

Надин тряслась в экипаже и ругала себя за бесхарактерность. Опять Савва заставил ее делать то, что она не собиралась. Ему удалось заглянуть ей в глаза! Он явно знает о своих неординарных способностях. Хотя, что, собственно, случилось? Он хочет быть представленным ее матушке... он интересуется ей, Надин... она тоже интересуется Саввой, он нравится ей... может, она даже влюблена... При этой мысли Надин покраснела. Какие глупости! Невозможно влюбиться так быстро... Нужно сначала хорошенько узнать человека, съесть с ним пуд соли... Надин прикусила губу – какая она глупая! Съесть пуд соли! Ха-ха! Разве для любви нужна

соль? Пора признаться хотя бы самой себе, что Савва ее волнует, волнует гораздо больше других молодых людей. Он заставляет быстрее биться ее сердце. Он красив, загадочен, умен... чем не партия для нее? Савва не беден, у него приличный доход... матушка будет рада такому жениху. Правда, Савва еще не давал ей понять, что хочет жениться на ней, но зачем тогда ему знакомиться с матушкой? Мысли пошли по кругу, и Надин решила выбросить всё это из головы и положиться на судьбу. Может, матушка и права, и ей действительно пора замуж? Иначе можно и в девках засидеться, остаться старой девой...

Экипаж подъехал к дому Надин, и она вышла. Ее матушка, Дарья Спиридоновна, обрадовалась появлению дочери.

– Наденька! Как хорошо, что ты пришла! Сон я давеча плохой видела, хотела утром тебе рассказать, да позабыла, память дырявая совсем стала. Давай чай пить? Замерзла?

– Нет, на улице совсем не холодно, – Надин начала раздеваться, – вы бы тоже погуляли, а то всё дома да дома...

– Не хочется мне что-то, я чай прикажу подавать, идем к столу.

Надин прошла в комнату, и села к большому столу в центре. Дворовая девка Груня принесла чай и баранки. Надин налила чашку и помешала ложкой сахар. Дарья Спиридоновна не сводила с нее глаз.

– Какая ты у меня доченька красавица! В самый раз замуж... жених то есть у тебя? Ты молчишь всё, ничего мне не рассказываешь...

– Матушка! Ну что вы в самом деле! Каждый день одно и то же! И не надоело вам? Вы сон мне рассказать собирались...

– Ах, да! Вижу я омут, черный-пречерный. И крутит так, крутит вода в нем, бурлит... а над омутом тем девушка стоит, вроде ты, Наденька... но я не уверена, волосы длинные, лицо закрывают... и вроде стоит эта девушка и думает, броситься или нет в омут-то? И как будто уже уйти хотела, но тут из омута рука выпросталась, девушку за волосы схватила и потащила... страшно мне стало, жутко! Закричать хотела, но тут и проснулась. К чему, как думаешь?

– Ой, матушка! Думаете вы слишком много, придумываете, говорю же вам, прогуляться нужно, развеяться, вот и пройдет. Это нервы у вас, лекарства попейте, а то вы очень впечатлительны стали. А сон... да ерунда это, глупости. Выбросьте из головы.

– И я так подумала, что ерунда, но боязно что-то стало. Уж вышла бы ты замуж, Наденька! А то еще чего доброго попадешь куда... поманит плохой человек и сотворит недоброе... а потом что? И то останется, что в омут... Мне Глашка этот сон так и растолковала, вот и волнуюсь.

– Поменьше к Глашке бегайте, она вам наговорит! Небось, денег ей отнесли?

– Да уж отнесла... но ты не сердись! Я успокоиться хотела.

– Ну и что, успокоились? Эта Глашка кроме как о деньгах не думает ни о чем. Поди и травку дала?

– Дала, дала... как не дать?

– Не вздумайте мне в чай ее класть!

– Да я не тебе, себе попросила, чтобы спать получше... не гневайся, доченька, травка-то помогает.

– Ну как хотите, только не расстраивайтесь, прошу вас! Я спросить хотела, тут один мой знакомый хочет ужинать у нас. Может, пригласим его на неделе?

– Конечно, Наденька! Буду очень рада. А кто он такой?

– Знакомый.

– Ухаживает за тобой?

– Не знаю пока, мы недавно знакомы, полгода еще нет.

– Уже полгода? Наденька! И до сих пор ты не представила его мне?

– Я не знала, надо ли это делать. А теперь вот он сам захотел.

– Вот и слава Богу, что захотел! Конечно, ты ему нравишься, разве иначе он захотел бы в дом войти?

– Да кто его знает? Может, и нравлюсь...

– Вот и хорошо, доченька! Напиши ему, пускай непременно приходит.

– Напишу. Ладно, спать уже пора, пойдете, матушка.

– Иди, милая, иди, я еще посижу, кружева поплету... пристрастилась я кружева плести!

Надин встала и ушла к себе в спальню, оставив Дарью Спиридоновну одну.

На следующий день Надин написала письмо Савве с приглашением. Ее охватила неясная тревога, природу которой она не могла разгадать, и потому приписала это обычной осенней хандре.

На следующий день Савва явился к ужину с большим букетом белых хризантем, который вручил Дарье Спиридоновне. Она всплеснула руками и запричитала:

– Ну что вы, зачем же такое великолепие? Ну красота же какая! Груня! Где ты, Груня?! Возьми же цветы и поставь в вазу!

Груня подбежала и приняла из рук хозяйки цветы. Савва представился и поцеловал руку Дарье Спиридоновне. Та отчего-то засмушалась.

– Пройдемте к столу, Савва Андреевич! Мы для вас курочку зажарили! Наливочка у нас своя, вишневая. Забористая!

Надин молчала. За столом Дарья Спиридоновна еще больше разговорилась – наливка сделала свое дело.

– А кто ваши родители, Савва Андреевич?

– Они умерли когда я маленьким был.

– Какое несчастье! Так вы сирота выходит?

– Меня дядя к себе взял, воспитал.

– Это хорошо, а что, позволю спросить, с вашими родителями случилось?

– Отец на охоту зимой пошел, заблудился, замерз, подхватил воспаление легких. Так и не выкарабкался, скончался в горячке, царствие ему небесное. А мать недолго после него прожила, угасла. Чахотка. Но это она из-за отца, не могла смириться с его смертью, любила очень. Мне тогда 5 лет было, я их и не помню вообще.

– Вот ведь трагедия! Ну а дядюшка с вами хорошо обращался?

– Хорошо. Он мне дал приличное образование. Наследство мне от родителей досталось – заводик парфюмерный и имение. Все это неплохой доход приносит. На эти средства я, собственно и живу. Не жалею.

– А у нас вот с Наденькой доход не велик, но на скромную жизнь хватает, и слава Богу! Муж мой покойный кое-что нам оставил, да родители мои, так что не бедствуем. Наденька у меня не бесприданница.

– Я за деньгами не гонюсь, мне человек важен. А Наденька у вас всеми достоинствами обладает.

– Да, Наденька у меня просто золото! Только серьезная очень, не по годам. Нарядами и побрякушками совсем не интересуется.

– Это как раз достоинство, а не недостаток. Эти жеманницы на меня скуку нагоняют, признаться.

– А вы в городе живете? Или в имении своем?

– Пока в городе, но на днях в имение поеду, к дяде, заболел он.

– Ну надо же! – Дарья Спиридоновна раскраснелась от наливки и театрально всплеснула руками.

– Хочу вот Надин пригласить к себе в имение, скрасить мое одиночество. Вы приедете, Надин? – Савва проникновенно посмотрел на девушку.

Надин опустила глаза и хотела что-то сказать, но за нее ответила Дарья Спиридоновна.

– Конечно, конечно она придет! Чего ей со старухой сидеть? Развлечется, дело молодое. Надин наконец смогла вставить фразу в поток матушкиных излияний.

– Что же вы за меня все говорите? Я и сама ответить могу.

– Ой, и правда, что-то я все говорю и говорю! Благо язык без костей! Да вы не слушайте меня, Савва Андреевич, ешьте! Совсем я вас заболтала! Вы уж простите меня, но Наденька меня не балует, молодых людей в дом не приводит, вот я и набросилась.

– Да я не в обиде, не молчать же сюда пришел. Наливка у вас хорошая!

– Рады вам угодить! Пейте, я еще налью.

Посидели еще немного, Надин почти все время молчала, потом Савва откланялся. Дарья Спиридоновна, под впечатлением нового знакомства, стала делать Надин внушение.

– Наденька, какой Савва Андреевич жених завидный! Уж не упusti! А как на тебя смотрел! Как смотрел! Чую, скоро свататься будет!

– С чего это вы взяли?

– Материнское чутье. В таких вещах меня не обманешь. А тебе он как?

– Сама не знаю, не спрашивайте пока.

– Ну что, совсем не нравится? Вроде собой хорош... и культурный и обходительный...

– Матушка! Ну разве я сказала, что он мне не нравится! Если бы не нравился, я бы его в дом не звала...

– Ну ладно, не буду тебя больше мучить, но ты присмотришь!

– Я присмотрюсь.

– Вот и славно. А я прилягу пойду, наливочка в ноги дала, как ватные прямо стали!

Дарья Спиридоновна тяжело поднялась со стула:

– Груня! Убери тут, напировались...

Надин удалилась вслед за матерью.

Ночью Надин спала беспокойно, металась, будто приход Саввы в их дом повлиял на нее каким-то особенным образом. Она все время спрашивала себя, что такое с ней происходит? Неужели она влюбилась? Влюбилась как кошка? Вот он пришел к ним в дом, и она уже не находит себе места... что, если матушка права, и Савва действительно собирается сделать ей предложение? Что она должна ответить ему? Согласиться? Отказаться? Если она скажет, что должна подумать, он примет ее за капризную кокетку... конечно, он видит, что она к нему равнодушна... но мысль о браке и детях, которые обязательно появляются в браке, пугала Надин. К ней будут прикасаться мужские руки... они будут шарить по ее телу... она вынуждена будет подчиниться желанию мужчины... эти мысли и волновали и пугали ее. Хотя, в конце концов все так живут, не она первая, не она последняя. Перспектива остаться старой девой ничуть не лучше. Чего стоят одни жалостливые взгляды замужних матрон, в которых так и сквозит превосходство! Общество осуждает и отвергает женщин, которые не вышли замуж. Гораздо лучше иметь нелюбимого, но богатого мужа и любовника... Надин вздохнула – как все это мерзко! Неужели и у нее будет так? Неужели и она поддастся тлетворному влиянию света и пустится во все тяжкие от скуки и обыденности семейной жизни? Нет, она никогда не позволит себе так жить! Вряд ли и Савва стерпит такое, если конечно, она выйдет за него замуж...

Под утро Надин удалось уснуть и поспать несколько часов. Она встала позже обычного, твердо решив, что если Савва посватается к ней, она ответит согласием.

Савва стоял с саквояжем возле входа в имение. Дворовая челядь высыпала на улицу его встречать. Дюжий парень подхватил саквояж и понес его в дом. Савва последовал за ним. Пожилой дворецкий обратился в Савве с вопросом:

– Вы к дядюшке вашему, Демьяну Ивановичу сейчас зайдете? Он давеча о вас спрашивал.

– Сейчас. Только переоденусь с дороги. Как он?

– Плохо... вчерась в бреду метались, а сегодня потише вроде... я уж думал за батюшкой послать, да потом решил вас дождаться.

– Правильно решил, ступай, я сейчас приду.

Дворецкий тяжело потоптался и ушел, вздохнув и покачивая головой.

Савва переоделся и направился напрямиком в спальню дядюшки. Тот лежал на белой простыне, бледный, с ввалившимися глазами и сухими губами, которые он постоянно облизывал. На скрип открывающейся двери он открыл глаза и сделал попытку улыбнуться.

– Саввушка! Приехал, дорогой! Наконец-то! Уж думал умру, и не увижу тебя!

– Ну что вы, дядюшка! Как я мог! Дела сделал, и сразу к вам.

– Умираю, я Савва, попа позови, исповедаться хочу.

– Может, рано попа? Доктора позвать?

– Сказал попа, значит попа! Не спорь! Устал я землю топтать, да и грешен, покаяться тороплюсь... завтра утром и позови! Слышишь? Ночь, думаю, перекантуюсь...

– Слышу, дядюшка, слышу. Сделаю, как вы велите.

– Ну а теперь иди, нечего здесь сидеть! Я спать хочу...

Савва молча удалился, зная, что спорить с дядюшкой бесполезно. Он пошел в библиотеку. Одна старинная книга интересовала Савву, он хотел найти ее. Как-то давно дядюшка вскользь упомянул об этой книге, но Савва слова его запомнил. Потом попросил дядюшку показать книгу, но тот зашикал на него, накричал... сказал, чтобы Савва и думать не смел. Савва больше про книгу не спрашивал, но забыть не забыл. Долго ему эта книга покоя не давала. Тайком от дядюшки пытался искать ее, но не нашел. Дядюшка всякий раз как чувствовал, и словно из-под земли вырастал, когда Савва в библиотеку заглядывал. Савва плюнул и на время прекратил бесплодные попытки. И вот теперь, когда дядюшка болен... Савва даже себе стыдился признаться, что приехал сюда отчасти из-за книги. Сладок запретный плод, ох как сладок!

Савва прекрасно знал, что его дядюшка одно время увлекся черной магией, чернокнижничеством... потом, видимо увлечение прошло, но книга эта самая черная осталась, и сейчас она будоражила воображение Саввы. Знал Савва и о том, что у дяди ничего толком не получилось, видимо, не создан он для колдовства... но он, Савва, другое дело. Может, конечно, все это и глупости, но кто знает?

Савва лихорадочно рыскал по книжным полкам. Книг у дядюшки было множество, самых разных, но нужной Савва найти не мог. В отчаянии он ударил ребром ладони по стене, ближайшая к нему книжная полка повернулась, и глазам Саввы предстала дверца сейфа, вмонтированного в стену. Савва погладил дверцу рукой. Конечно, она здесь, нет никаких сомнений. А ключ у дядюшки... надо незаметно взять его, никто не хватится, потому что никому нет дела до этой книжки. Никому, кроме него, Саввы.

Савва снова пошарил рукой по стене, и массивная полка встала на место. Савва сел за письменный стол и задумался. Лицо его окрасилось румянцем. Какая неслыханная удача! Вряд ли дядюшка сообщил бы ему, где находится книга. Унес бы тайну в могилу... но, видимо, кто-то очень хочет, чтобы книга осталась у него, а не была бы похоронена под слоем пыли.

Скрипнула дверь, и Савва вздрогнул. Дверь открылась, и Савва чуть не вскрикнул от ужаса – ему показалось, что на пороге стоит привидение. Но это был дядюшка. Он тяжело дышал, видно было, что путь в библиотеку дался ему не просто.

– Что ты здесь делаешь? – Дядя жадно хватал ртом воздух.

– Зачем вы поднялись?! Мне просто захотелось почитать... я не думал, что это так расстроит вас.

– Ты хотел найти ее? Признайся? – голос у дядюшки звучал хрипло, очевидно было, что ему трудно говорить.

– Вам не стоит так волноваться, дорогой дядюшка. Я вообще не понимаю, о чем вы говорите. Я хотел почитать на сон грядущий, и пришел сюда, чтобы выбрать себе книгу.

– Ты лжешь... – дядюшка вдруг закатил глаза, его затрясло мелкой дрожью, он попытался что-то еще сказать, но смог исторгнуть только нечто нечленораздельное. Он начал задыхаться и хватать ртом воздух. Савва испугался и подбежал к нему. Дядюшка упал, нелепо взмахнув руками, Савва закричал, и на его крик сбежалась челядь.

Все вместе подняли тело и перенесли его на кровать. Демьян Иванович не подавал признаков жизни. Одна его рука крепко сжимала что-то, висящее на веревке на шее. Савва осторожно разжал пальцы – это оказался ключ. Какая-то баба запричитала:

– Барин, барин-то помер! Господи Иисусе! Без покаяния! – Все начали истово креститься, а на бабу зашикали.

Савва велел звать священника. Когда дворня разбежалась, Савва снял ключ с шеи дядюшки и положил себе в карман. Потом кликнул баб, чтобы посмотрели за барином – вдруг жив еще?

Когда все утихло, Савва пробрался в библиотеку и проделал трюк с книжной полкой. Дрожащей рукой вставил ключ в сейф, боясь, что он не подойдет, и провернул его. Дверца поддалась, и Савва извлек на свет вожделенную книгу в черном кожаном переплете. От волнения у Саввы перехватило дыхание. В коридоре слышались чьи-то торопливые шаги, Савва быстро спрятал книгу обратно, закрыл сейф и вернул полку на место, сделав вид, что изучает корешки с названиями. Вошел дворецкий.

– Батюшка прибыли, они у вашего дядюшки сейчас.

– Так он жив? – изумился Савва.

– Да. Как вы ушли, пошевелился и застонал, видно в обмороке был. Батюшка его причащает. Кончается Демьян Иванович... – старик смахнул слезу, – большой души был человек! Уж как праздник, так и подарочки, и рюмочку поднесет, и про детишек спросит, и про бабу мою... не гнушался нашим братом... эх, да что там говорить! – верный слуга махнул рукой и отвернулся, плечи его затряслись.

Савве было чуждо это волнение. Он остался спокоен, как будто ничего не случилось. Но чтобы не прослыть черствым и неблагодарным, он сказал:

– Ну полно тебе, Евдокимыч! Не убивайся так... все под Богом ходим! – Савва попытался сделать скорбное лицо.

Евдокимыч тяжело вздохнул.

– Понимаю ведь, что все в руках Божьих, но слезы так и катятся, так и катятся окаянные! Словно баба какая... стар я тоже уже... мысли всякие лезут... что там да как? У Бога-то?

– Да ты поменьше думай об этом, дорогой мой! Или дел у тебя нет?

– Да есть, барин, есть дела-то... дел тех мне до самой смерти не переделать...

– Вот и ступай, делай дела-то... барина подготовить надо, распорядись там... я один хочу побыть, – Савве не терпелось остаться в одиночестве и болтовня старика его только раздражала.

Евдокимыч еще раз вздохнул, повернулся и вышел, оставив, наконец, Савву одного. Савва закрыл дверь на ключ, чтобы никто больше случайно его не побеспокоил и вытащил книгу из сейфа.

Кожа на обложке местами уже затерлась и блестела. Савва нежно погладил ее рукой. Медная застежка позеленела, Савва отогнул ее и открыл книгу. Его глазам предстали описания сатанинских ритуалов, сопровождаемые картинками. Многие картинки были откровенно непотребными и пугающими. Савва пробежал глазами по строчкам, жадно впитывая написанное.

Савва перелистывал страницу за страницей, где-то останавливался, перечитывая по нескольку раз. Наконец он устал, закрыл книгу и убрал ее в сейф. Глаза его горели, на губах блуждала улыбка. Дядя слабак, он испугался, испугался и спрятал книгу. Наверное, сейчас

мнит себя великим грешником, пытается рассказать этому благообразному попику всю правду, кается... если обрел дар речи, разумеется. А если нет, так только мычит или плачет. Идиот, мог бы иметь весь мир, а прожил жизнь земляного червяка. Боже, как слаб человек! Слаб и ничтожен! Савва потер пальцами виски – голова раскалывалась. В дверь робко постучали. Савва вскочил, спрятал книгу в сейф и открыл дверь. На пороге стоял испуганный Евдокимыч.

– Барин сейчас помрет! Идите скорее, Савва Андреевич, он вас велел кликать. Видно, попрощаться хочет. Батюшка уж и причастил его...

Савва выбежал за дверь и бросился в комнату к дяде. Тот лежал на кровати и смотрел прямо перед собой. Савва подошел к нему и сел рядом на стул. Батюшка стоял рядом. Дядюшка глазами показал ему, чтобы тот вышел, а потом вперил угасающий взор в Савву и прошептал:

– Книгу... книгу сожги... умо... ляю... сожги... зло... ключ... где..?

– Какой ключ? – Савва сделал вид, что не понимает.

– К... люч... на шее...

– Не знаю, дядюшка, о чем вы говорите... разве это так важно? Ключ какой-то... простимся давайте.

– Про... шай, Са... в... ва... не поми... най... лихом... ты... взя... л...я... – дядюшка хотел еще что-то сказать, но вдруг узрел что-то на противоположной стене и с ужасом уставился на нее. Глаза его расширились, он начал хватать ртом воздух, пальцы конвульсивно сжимались и разжимались, цепляясь за простыню. Савва понял, что дядюшка уже шагнул за невидимую грань, отделяющую мир мертвых от мира живых. Он с некоторым интересом, хотя и не без брезгливости наблюдал момент умирания живого существа. Плоть дядюшки начала содрогаться, очевидно, дух не очень охотно покидал ее. Дядюшка исторг крик и бездыханный откинулся на подушки. Савва закрыл ему глаза рукой и вышел из комнаты.

Дворовые собрались за дверью, они молча воззрились на Савву. Он кивнул и велел приготовить новопреставленного к погребению. Люди зашумели, кто-то всхлипнул, бабы заголосили, начали истово креститься. Савва прошел через толпу и удалился в свою комнату. Смерть, как он и ожидал, не произвела на него особенного впечатления, хотя сам факт перехода человеческой души за грань невозможного, его все-таки взволновал. Дядюшка явно что-то увидел в момент смерти. Жаль, он смог сказать об этом... но Савва был уверен, что что-то было... это что-то было пугающим, судя по реакции дядюшки... неужели за ним пришел Дьявол? Совсем не похоже, что можно так испугаться Ангела...

Савва одетым лег на кровать, заложив руки за голову. Мысли его вернулись к Надин. Надин ему нужна. В ближайшее время он сделает ей предложение, и она не откажет ему. Надин переедет сюда, и будет полностью в его власти. Но разве она не хочет этого? Уйти от света, от сплетен и пересудов, поселиться в деревне... конечно, она этого хочет. Но в данном случае у Надин особая миссия. Он скажет ей об этом после свадьбы.

В комнате стало темно, и Савва зажег свечу. Пламя отбрасывало на стену неясные тени, и Савве показалось, что комната наполнилась чудовищами. Он торопливо разделся, стараясь не смотреть на стены, задул свечу и лег в постель.

После дядюшкиных похорон Савва написал Надин, что ждет ее у себя в самое ближайшее время. Надин ответила, что постарается приехать через пару недель, если Савва еще задержится в деревне. Савва ответил ей, что пока он останется в деревне, так как после смерти дядюшки надо привести в порядок дела.

Надин появилась в имении Саввы ровно через две недели, как и обещала. Савва встретил ее. Надин выглядела похудевшей и посерьезневшей. Савва бросился ей навстречу, когда она выходила из двуколки.

– Надин! – Савва подал ей руку. – Как я ждал вас!

Он так посмотрел на Надин, что она смутилась. Савва поцеловал ей руку.

– Как славно, что вы приехали! Я совсем одичал здесь. После смерти дядюшки мне очень одиноко. Я все время боялся, что вы не приедете...

– Как я могла не приехать? Матушка мне все уши прожужжала. Вы произвели на нее впечатление. Если бы я даже не захотела ехать, она бы просто-напросто меня выгнала из дома.

– Так вы не хотели ехать? – На лице Саввы читалось такое искреннее огорчение, что Надин улыбнулась.

– Нет, ну что вы... я тоже хотела вас навестить. Если бы я не хотела, вряд ли матушке удалось бы меня уговорить. Ну что же мы стоим? Я продрогла, трясаясь по вашим дорогам.

– О! Простите меня, я отвратительный хозяин! Пожалуйте в дом, я велю принести нам чаю и чего-нибудь покрепче, чтобы вы согрелись.

Савва подхватил саквояж Надин и понес его в дом. Надин шла за ним. Спина Саввы, которая маячила перед ней, выглядела ровной и широкой, и Надин показалось, что за эту спину можно спрятаться. Она любовалась стройной фигурой молодого человека, его решительной поступью, и думала, что в браке есть не только отрицательные стороны.

Савва, очевидно почувствовав взгляд Надин, обернулся и улыбнулся. Надин покраснела, как будто ее застали за чем-то постыдным.

В комнате, которую Савва определил для Надин, она переделалась и умылась с дороги. Прежде чем выйти, Надин долго прихорашивалась перед зеркалом. Она испытывала неловкость, оттого что приехала одна в гости к молодому человеку, тем более, что такое с ней происходило впервые. Но надолго задерживаться в комнате показалось ей неприличным, и Надин вышла к столу. Савва уже ждал ее. Он сам налил вина в бокал и поставил его перед Надин.

– За нашу встречу! Мне ужасно неловко, после смерти дядюшки еще так мало времени прошло... но я не могу скрыть свою радость... вы прелестно выглядите, Надин!

– Вы заставляете меня краснеть. Давайте лучше выпьем! – Надин подняла свой бокал.

Савва поднял свой, они чокнулись и выпили. Наливка оказалась крепкой, она ударила Надин в голову. Савва рассказал ей о жизни в деревне, о дядюшке, они выпили за помин его души... Савва впери в Надин горящий взгляд.

– Надин... милая... Надин... я давно хотел сказать вам... – Савва сделал многозначительную паузу и, так как Надин молчала, Савва продолжил, – я люблю вас, Надин... я позвал вас сюда с единственной целью... одной-единственной целью... просить вас стать моей женой... – заметив удивление в глазах Надин, Савва картинно выбросил вперед руку, – нет, нет, умоляю вас, молчите! Молчите, не говорите ни слова! Я понимаю, вам нужно подумать... связать себя узами брака с человеком на долгие годы... на всю жизнь, это очень серьезный шаг... просто я давно думаю об этом, о вас, Надин... я давно решил, что хочу прожить с вами жизнь, хочу состариться рядом с вами...

Надин теребила рукой вилку.

– Вы уверены в этом?

– О! Конечно, конечно, я уверен! Если бы я имел хоть каплю сомнения, я бы никогда не осмелился сказать это вам! А сейчас давайте просто выпьем и поужинаем. Вы устали с дороги, я не тороплю вас с ответом. Ешьте, дорогая Надин, ешьте! Вы немного бледны, деревенский воздух и еда пойдут вам на пользу.

– Да, наверное...

– Как там в городе? Что слышно?

– Ничего, все по-прежнему. То есть очень скучно. Я в последнее время мало куда выходила.

– Мы будем гулять с вами по окрестностям каждое утро, если вы захотите. Вы умеете ездить верхом? Мы можем совершать конные прогулки. Здесь в конюшне замечательные лошади. Я подберу вам не слишком норовистую.

– Я умею ездить верхом и очень люблю лошадей. С удовольствием буду ездить верхом по утрам. Обычно я рано встаю.

– Я тоже встаю рано, в этом мы с вами похожи.

Надин ничего не ответила, она наколола на вилку кусочек мяса и отправила его в рот.

До конца ужина Савва перебрался с Надин еще парочкой незначительных фраз, потом Надин сослалась на усталость, и отправилась в свою комнату. Савва проводил ее до дверей.

– Надеюсь, вы хорошо отдохнете с дороги, здесь очень мягкие перины! Так вы не против покататься до завтрака? По зорьке?

– Нет, я не против.

– Тогда я буду ждать вас во дворе...

– Хорошо. – Надин закрыла дверь за Саввой, умылась, разделась и легла в кровать.

Сердце ее учащенно билось. Откровенно говоря, она не ожидала, что Савва сделает ей предложение в первый же день по приезду, и потому Надин оказалась не готова. Она и сейчас, когда шок прошел, чувствовала себя немного растерянной. Что ей делать? Согласиться? Отказаться? Мысли в голове у Надин металась, словно в пьяном угаре. Чтобы немного успокоится и спокойно подумать, Надин выпила воды из кувшина, стоящего на тумбочке возле кровати. Ее лицо пылало, и она никак не могла сосредоточиться. Как же ей поступить? Как Господи, как? Надин начала читать молитву и спустя некоторое время ей удалось успокоить взбудораженный ум.

Конечно, она ответит согласием. Зачем она лукавит перед собой? Савва волнует ее... она не хочет, чтобы он исчез из ее жизни, а если она скажет нет, они никогда больше не увидятся. Да и матушка будет рада, что Надин выходит замуж. Всем будет хорошо. Только будет ли хорошо ей, Надин? Она так мало знает Савву! Каким он будет мужем? В нем чувствуется затаенная сила, что-то недосказанное, мрачное и дикое... Савва не так прост, как это может показаться. Но что скрывать, именно это и привлекло ее в нем. Надин с детства обожала тайны. А вдруг он будет деспотом? Но Надин тотчас отбросила эту мысль. Она никому не позволит обращаться с собой грубо, даже мужу. Лучше она уйдет и прослышет гулящей, чем будет терпеть обиды.

А пока зачем думать о плохом? Надо выспаться и отдохнуть, чтобы завтра выглядеть свежей. Савве не понравилась ее бледность, что ж... она постарается ради него. Надин незаметно для себя заснула.

А утром они скакали с Саввой по лугам и полям. Надин с азартом прищипывала лошадь, лицо ее разругалось, Надин было весело. Она смеялась, слегка запрокидывая голову. Лошадь ее неслась во весь опор.

На опушке леса Надин осадил лошадь и остановилась, чтобы подождать Савву и полюбоваться окрестностями. Она чувствовала себя хорошо и спокойно. Савва спешил и подошел к ней. Надин отпустила лошадь попасться, а сама уселась на траву. Савва опустился рядом.

– Вы загнали меня, Надин, я даже не подозревал, что вы такая лихая наездница!

– Да, мой кузен научил меня ездить верхом. Он обожал лошадей... мы с матушкой раньше часто бывали у него в деревне.

– А сейчас? Вы не говорили мне про вашего кузена.

– Моя матушка повздорила с сестрой, его матушкой, и мы перестали к ним ездить. Я скучала по брату, но потом успокоилась.

– Интересно. Что еще вы скрываете от меня?

– Ничего. А что скрываете вы?

– Да тоже ничего. Я все рассказал вашей матушке за ужином. Последний мой родственник, дядя, скончался недавно, как вы знаете. У меня не очень веселая жизнь.

– Мне жаль вашего дядю.

– Помилуйте, Надин! Да что же его жалеть?! Он счастлив сейчас, предстал перед Богом. Думаю, он попадет в рай, дядя был добрейшей души человек.

– Вы как-то неискренне это говорите, будто в насмешку...

– Это вам показалось, а если честно, я не очень-то верю в рай или ад. Хотя думаю, что там все же есть что-то... перед смертью дядя как будто увидел нечто. Нечто ужасное... как мне показалось...

– У меня мурашки по коже от ваших рассказов. Давайте о приятном. В такой день не хочется бояться.

– Вам нечего бояться, милая Надин! К тому же я ни в чем точно не уверен. Это могли быть просто галлюцинации умирающего человека. Зачем вам думать о смерти? Мы с вами еще молоды.

Надин жевала травинку. Савва взял ее руку и стал перебирать длинные пальцы девушки. Она не сопротивлялась. Савва подвинулся поближе и прижался губами к руке. Надин провела рукой по его волосам. Савва обнял Надин за талию и прижал к себе. Надин стало жарко. Она глубоко вздохнула, но Савва крепко держал ее. Он приблизил свое лицо к лицу Надин и поцеловал ее в губы. Надин разжала зубы, и язык Саввы оказался у нее во рту. Голова у Надин закружилась, она чувствовала себя совершенно парализованной чужой волей. Савва покрывал поцелуями лицо и шею Надин, а она молча отдавалась этим страстным порывам.

Наконец Савва, тяжело дыша, почти оттолкнул Надин от себя, и она увидела, как трудно ему совладать с собой. Надин поправила волосы и встала на ноги:

– Мне кажется, нам пора возвращаться... у меня проснулся аппетит.

Савва вместо ответа вперил в Надин горящий взор.

– Вы подумали над моим предложением? Мне не хочется ждать... ожидание меня выматывает.

Надин отвернулась.

– Я думала всю ночь...

– Всю ночь?! Так вы любите меня?

– Я... я... согласна выйти за вас замуж.

– Слава Богу! Слава Богу, дорогая! Я боялся, что вы откажете мне... мы должны обвенчаться немедленно.

– Куда вы торопитесь? Нужно сказать матушке... – Надин была обескуражена таким напором.

Савва и сам почувствовал, что излишне забегает вперед.

– Извините, конечно, мы скажем матушке. Напишите ей, чтобы приехала. Мы обвенчаемся здесь, в церкви.

– Вы собираетесь жить в деревне?

– Пока да, меня не тянет в город. Вам разве плохо здесь?

– Да нет, мне здесь нравится.

– Вот и решили, поживём здесь. Напишите матушке.

– Я напишу. – Надин села на лошадь, Савва последовал ее примеру, и они поскакали в имение.

Надин в тот же день написала матушке, что Савва сделал ей предложение, и они просят ее прибыть в имение Саввы, так как намерены обвенчаться в самое ближайшее время.

Дарья Спиридоновна не замедлила явиться. Савва оказал ей самый теплый прием. Дарья Спиридоновна растаяла и окончательно укрепилась в мысли, что Надин нашла наконец свое счастье. Она была искренне рада за дочь.

После посещения Саввой их дома, она тайком сбегала к гадалке и попросила поворожить, чтобы жених не уплыл из рук. Глашка обещала. Ворожба помогла, и Дарья Спиридоновна была довольна – деньги уплачены не зря.

Савва показывал ей дом, а она смотрела на всё уже хозяйским глазом, примечала. Про себя подумала, что имение неплохое, хоть слуги и ленивые. Хотела сказать об этом Савве, чтобы со слугами поосторожнее был, но вовремя осеклась – негоже поперек батьки в пекло лезть.

Венчание было назначено через неделю, Савва торопился. Надин такая спешка казалась неуместной, но Савва сгорал от нетерпения сжать в объятиях свою жену. Он все время твердил, как чудесно они будут жить вдвоем в деревне, как они будут счастливы и прочее. Надин слушала его веря и не веря. Что-то неуловимое смущало ее, какая-то фальшь, чрезмерно горящий взгляд Саввы. Он напоминал Надин фанатика, который вдруг обрел предмет своего поклонения. Надин не могла поверить, что все это время Савва таил от нее такие бурные чувства, а она была так слепа, что не замечала этого. Напротив, Савва казался Надин рассудительным и практичным. Она даже приписывала ему некоторую холодность. Теперь же Савва удивлял Надин каждый день своей восторженностью и лихорадочной деятельностью. Она могла бы приписать это любовной горячке, но почему-то Надин показалось, что для этого состояния ее жениха есть другая причина. Надин терялась в догадках – может он все-таки болен? Она осторожно спрашивала Савву как он себя чувствует, но Савва только смеялся. Он уверял, что никогда так хорошо себя не чувствовал. И это заслуга Надин. Когда он так говорил, Надин начинала ему верить.

У Дарьи Спиридоновны вообще не спадала пелена с глаз. Она открыто восторгалась Саввой, его недюжинным умом и слышать не хотела ни о каких подозрениях. «Саввушка так уж умен, так пригож!» – бывало говорила она сидя за вышивкой длинными вечерами. Надин не возражала, чтобы не расстраивать мать, но и не поддерживала. Временами Дарья Спиридоновна будто что-то замечала и тогда спрашивала: «Да ты ли довольна, Наденька? Что грустная такая? Или Саввушка тебе не люб?» Надин отмахивалась: «Да люб, матушка, люб!» Так прошла неделя.

За это время Савва купил Надин наряд для венчания. Платье Надин очень понравилось, она подумала, что всегда о таком мечтала. Имение готовилось к свадьбе, хотя многие осуждали Савву, за то, что не стал дожидаться окончания траура по дяде. Только старик Евдокимыч его поддержал:

– Что ж, что скоро... живому о живом думать надобно... страдает наш Саввушка, не может один-то... добрая жена ему в самый раз сейчас будет. А Надежда Петровна девушка хорошая, порядочная, добрая, настоящая барыня.

Савва не обращал на пересуды особого внимания. Решили не устраивать пышной свадьбы, чтобы не дразнить соседей и обойтись только близким кругом. Надин не возражала – она не любила пышных празднеств. Дарья Спиридоновна повздыхала втихомолку, так как рассчитывала на большее, но смирилась. Главное, что Наденька замуж выходит, а остальное пустяки. Потом детки у них пойдут, все ей веселее будет. При мысли о внуках глаза у Дарьи Спиридоновны заволакивались пеленой. Как приятно внучков понянчить, побаловать! На сердце у женщины становилось тепло. Наконец-то они с Наденькой не одни, обретут опору, заступника, мужчину... Дарья Спиридоновна опять вздыхала, на этот раз от избытка чувств.

В свадебном наряде Надин была великолепно. Белый цвет очень удачно оттенял ее немного смуглое лицо, на котором выделялись огромные черные глаза. Савва в черном костюме и белой рубашке гармонично дополнял ее. Они были красивой парой. Дарья Спиридоновна всплакнула тайком, вытирая слезы кружевным платочком.

После свадебного ужина, на котором присутствовали всего несколько соседей, которые были дружны с дядей Саввы, молодые отправились в заранее подготовленную опочивальню. Здесь Надин ждал первый сюрприз.

Она робела, целый вечер думая, что случится, когда они останутся наедине. Ее бросало то в жар, то в холод. Она не знала, раздеться ли ей самой или Савва разденет ее?

Но ее опасения были напрасны. Когда они остались одни, Савва бросился на кровать и уснул. Надин растерялась, она чуть не задохнулась от обиды. Так нелепо опростоволоситься! А она размечталась! Надин разделась и легла рядом с Саввой. Через пару минут ее возмущение прошло, и Надин укорила себя – какая она порочная! Савва просто перенервничал, он тоже боится того, что должно случиться, как она сразу не догадалась! Бедный, бедный Савва! Надин прониклась к нему нежностью. Он не хочет ложиться с ней в постель пьяным, что тут непонятного?! Куда спешить, они теперь муж и жена. Но Надин не могла уснуть. Присутствие мужчины в постели будоражило ее ум. Надин бросало попеременно то в жар, то в холод. Она хотела сама прикоснуться к Савве, но не могла решиться. Что он подумает обо ней?! Надин покраснела. Он может решить, что я порочна, как распутная девка. Надин встала и подошла к окну. Огромная желтая Луна светила на небосклоне. Надин стало холодно, и она вернулась в постель. Савва спал беспробудным сном. Надин укрылась одеялом и незаметно для себя уснула.

Когда утром Надин открыла глаза, Саввы уже не было рядом. Надин вновь удивилась такому странному поведению новобрачного, и его полному равнодушию к ней. Она никак не могла взять в толк, что происходит и почему ее муж так ведет себя? Разные мысли закрадывались ей в голову. Может, он болен? Болен и скрывает от нее? Но зачем в таком случае эта поспешная женитьба? Надин терялась в догадках. Она думала, что Савве нужно ее участие, утешение, ее любовь и забота, а оказывается, она для него пустое место? Слезы подступили к горлу Надин, но она сдержалась. Ее вдруг испугала мысль, что Савва зайдет и увидит свою жену в таком состоянии. Он может подумать, что она истеричная дура.

Надин встала с кровати и оделась. Савва не приходил, и Надин решила выйти из комнаты. Дом был пуст, даже слуги куда-то разбежались. Встревоженная Надин пошла по коридору и наткнулась на приоткрытую дверь. Надин заглянула туда – это была библиотека. Она вошла и увидела Савву, он сидел в кресле, опустив глаза, очевидно что-то читал. Услышав шаги, Савва поспешно захлопнул книгу и поднялся навстречу Надин.

– Надин! Дорогая! Зачем ты поднялась так рано?! Еще темно... да и завтрак не готов. Мои слуги еще только проснулись. Дядя их слегка распустил, он завтракал не раньше полудня.

– Мне не спалось без вас...

– Оставим эти церемонии, мы теперь муж и жена, называй меня на ты. Я рано встаю, ты же спала так крепко, что мне не хотелось тебя тревожить. Я знаю, как сладок сон на рассвете.

– А что вы... ты... делаешь здесь?

– Читаю. У дяди роскошная библиотека, а я всегда любил книги... здесь много старинных, настоящий антиквариат.

– Вы покажете их мне? Я тоже люблю книги.

– Как-нибудь потом... сейчас нам нужно позавтракать. Я потороплю этих бездельников. Как ваша матушка? Хорошо спала?

– Я не видела ее. Но она не ранняя пташка.

– Пойдемте, разбудим ее.

Савва слишком уж поспешно подхватил Надин под руку и вывел ее из библиотеки.

Несмотря на все эти казусы, завтрак получился веселым. Савва много шутил за столом, Дарья Спиридоновна смеялась, Надин молчала. Ей хотелось остаться наедине с Саввой, хотелось, чтобы он обнял ее и прижал к себе. Она представляла, как губы Саввы прижимаются к ее губам, и сердце ее начинало колотиться сильнее. Надин казалось, что этот стук слышат все за столом, и она испытывала неловкость. От этого завтрак казался Надин бесконечным. Наконец принесли чай, и Надин вздохнула с облегчением.

После чая Дарья Спиридоновна задремала, а Надин, преодолевая смущение, решила обратиться к Савве.

– Может, нам немного прогуляться по окрестностям? Вы обещали показать мне конюшню. Я очень люблю лошадей.

Савва помедлил несколько секунд, и это промедление не укрылось от Надин, но потом кивнул.

– Конечно, дорогая моя женушка, я покажу тебе конюшни. Мы можем прокатиться верхом, если ты пожелаешь.

– Я пожелаю, – Надин неожиданно для себя капризно надула губы и произнесла: – Вы кажется забыли, что женились вчера...

Савва засмеялся.

– Ах, вот в чем дело! А я-то думаю, почему это моя женушка так недовольна с утра? Прости меня дорогая, – Савва взял руку Надин и поцеловал ее, – я виноват... видимо, просто перенервничал... роль мужа для меня нова, как и для тебя. Не торопи, прошу...

Надин покраснела.

– Вы не так меня поняли... я не настаиваю, просто... просто... мне стало так одиноко в вашем доме... наверное, это пройдет... во всяком случае, я надеюсь на это... вот и матушка моя прижилась и у вас...

– Мы же договорились, дорогая, что будем на ты. Тебе не стоит волноваться, у нас с тобой впереди целая жизнь.

Надин стояла, понуриив голову. Савва ласково обнял ее за талию и увлек во двор.

Прогулка верхом на гнедой кобыле немного успокоила взволнованную Надин. В мыслях у нее царил полный сумбур. Она то начинала жалеть, что вышла замуж, то страстно хотела поскорее начать семейную жизнь, приняться за обустройство дома, окунуться с головой в хозяйство.

Гнедая кобыла несла Надин по полям, темный локон выбился из-под шляпки, она покраснелась, сердце ее колотилось. Наконец, устав от быстрой езды, Надин осадила лошадь и пустила ее шагом. Савва догнал ее и поехал рядом.

– А ты прекрасная наездница... не ожидал от тебя такой прыти, признаться.

– Я и сама от себя не ожидала... давай спешимся вон на той полянке! – Надин показала пальцем на небольшую полянку, находящуюся в поле их зрения.

Савва исполнил желание Надин и слез с лошади. Надин последовала его примеру. Она тяжело дышала, то ли от усталости, то ли от возбуждения. Ноздри ее тонкого носа раздувались, губы приоткрылись. Она подошла к Савве поближе и заглянула ему в глаза. Савва смутился и опустил взгляд, но, уловив шестым чувством чего именно хочет от него Надин, он обнял ее и прижался губами к ее губам. Надин затрепетала.

Поцелуй оказался долгим. Савва распался все больше и больше. Он положил руку на грудь Надин и с силой сжал ее. Из груди Надин вырвался стон. Савва попытался расстегнуть пуговицы на спине платья Надин. Она хотела помочь ему избавиться ее от узкого платья, мешающего им сполна насладиться друг другом, но Савву вдруг будто кто-то ударил. Он резко отстранился от Надин, и будто даже оттолкнул ее от себя, хотя Надин видела, что он с трудом справляется с желанием.

– Что с тобой? – грудь Надин вздымалась от переполнявших ее чувств.

– Я не могу здесь... – процедил Савва сквозь зубы, – нас могут увидеть...

– Ну и что? – сказала Надин и осеклась, хотя все же продолжила, пусть и не без некоторого колебания, – ты мой муж... и мы здесь одни... кто может нас увидеть?

– Не знаю, может и никто, но я не могу... здесь не могу... поедem домой... мне нужно заняться делами имения. Я даже не знал, что дядя так все запустил.

Надин молча оседлала свою кобылу и пустила ее галопом. Савва поехал следом.

С тех пор у Надин началась семейная жизнь. Дарья Спиридоновна уехала, чтобы не мешать молодым налаживать быт. Она была весьма тактичной особой, и не хотела пока-

заться навязчивой. Надин не стала ее удерживать. Присутствие матери тяготило молодую женщину. Когда Дарья Спиридоновна, дав последние наставления, как вести себя с мужем, села в коляску, Надин облегченно вздохнула и, как ей показалось, и Савва тоже.

Но, несмотря на все надежды, в семейной жизни Надин мало что изменилось. Они с Саввой спали в разных комнатах. Савва желал ей спокойной ночи, целовал Надин в щеку и удалялся под предлогом накопившихся дел. Он много времени проводил в библиотеке и рабочем кабинете. Надин сначала ждала его в своей постели с замиранием сердца, наивно полагая, что Савва придет к ней, как закончит дела, но ее ожидания были, увы, напрасны. Муж ни разу ни удостоил ее своим посещением. Надин поначалу злилась, потом ей стало все равно.

Как-то раз за завтраком, просто ради любопытства, она спросила мужа:

– Чем ты все время занят по ночам? Я начинаю думать, что мой муж самый занятой человек на свете.

– Разбираю бумаги, оставшиеся после дяди. Там много любопытного...

– Ты так увлекся, что мне кажется, жена тебе совсем не нужна. Разве что в качестве предмета интерьера... я не права?

– Не говори глупости! Что это на тебя нашло с утра пораньше?

– Нашло? – Надин почувствовала, что заводится. – Ничего. Я до сих пор девственница, с вашего позволения. А мы женаты уже месяц. И ты смеешь говорить мне, что на меня нашло? Прости, но я ничего не понимаю. Или я требую невозможного? Мне даже неловко говорить тебе об этом! – Надин покраснела и отвернулась. Так как Савва продолжал молчать, она добавила: – Может, ты болен? Болен и боишься сказать мне об этом? Облегчи душу, я пойму тебя! Но так жить невыносимо! – На глаза Надин навернулись слезы. – Ты шарахаешься от меня, будто я прокаженная!

Савва поднял глаза на Надин. Ей не понравился его взгляд. Он был рассеянным и блуждающим. Надин даже пожалела, что затеяла этот разговор, но неожиданно Савва ответил.

– Я не хотел говорить тебе, но раз ты настаиваешь... я дал обет дяде, когда он лежал на смертном одре, что не прикаснусь к женщине, пока не истечет год со дня его смерти.

– Господи! Но почему ты скрывал это?! Неужели ты думал, что я не способна понять?! Это очень жестоко с твоей стороны... так мучить меня... держать в неведении... Но почему дядя потребовал от тебя такого?

Савва пожал плечами.

– Откуда мне знать? Возможно, он просто не совсем понимал, что говорит... но я не смог нарушить обещания, данного у постели умирающего... я понимаю, это глупо и нелепо, но разве год, это такой уж большой срок?!

– Ну конечно нет! Если бы ты сказал мне сразу... – Надин посмотрела на мужа смягчившимся взглядом, – разумеется, я буду ждать... тебе не следовало беспокоиться о таком пустяке... но позволь, зачем ты тогда женился на мне? Можно было повременить со свадьбой...

– Я боялся потерять тебя... я испугался, испугался как дурак, что ты не станешь ждать так долго. Я виноват, что поддался слабости, что обманул тебя, ввел в заблуждение... ты имеешь право злиться на меня. Но прошу, не суди строго! Я полюбил тебя, как только увидел. Я сразу понял, что не могу отпустить тебя, я бы не пережил, если бы ты досталась кому-то другому. Ты простила меня, Надин? – Савва ласково погладил руку жены.

Надин улыбнулась.

– Как ты мог сомневаться во мне? Муж и жена – одна сатана...

При этих словах Савва оживился и громко расхохотался.

– Одна сатана! Ха-ха! Как ты говоришь?! Одна сатана?! – Савва вытер рукой набежавшие от смеха слезы.

Надин смотрела на него с недоумением.

– Не понимаю, что такого смешного я сказала? Это общеизвестное выражение.

– Нет, нет! Ты ни при чем! Просто вдруг стало смешно. Как будто сатана состоит из двух частей... мне показалось это забавным. Хотя, если задуматься, в вас, женщинах, гораздо больше дьявольского чем в нас.

– Не уверена в этом. Во всяком случае, я бы не стала говорить за всех женщин сразу...

– Конечно, тебя это не касается, ты Ангел. Настоящий Ангел! – Эти слова Савва произнес с особенным чувством.

– Ты льстишь мне... все Ангелы на Небесах...

– Ты мой Ангел, мой земной гений.

Надин глубоко вздохнула и опустила глаза, комплименты Саввы ее смутили.

После этого разговора Надин успокоилась. Она сочла причину, изложенную Саввой вполне убедительной. Воля покойного была для нее святой. Она не давала себе труда задуматься, почему дядя Саввы поступил именно таким образом, но обет, данный у постели умирающего, она считала нерушимым.

Еще через несколько недель вечером Савва вдруг зашел в комнату к Надин. Надин готовилась ко сну. Она сидела перед трюмо на стуле и расчесывала волосы. Савва подошел к ней сзади и обнял ее за плечи. Надин вздрогнула и обернулась.

– Ты напугал меня. Признаться, я не ждала своего мужа так поздно у себя в опочивальне... или дядя явился тебе во сне и освободил от обета воздержания данного у его постели?

– Нет, дядя не являлся мне во сне. Очевидно, он дал все указания еще при жизни. Жизнь земная его теперь мало интересует. Я хотел поговорить с тобой без посторонних ушей.

– Посторонних ушей?! Помилуй, но какие здесь посторонние уши?! Здесь кроме нас никого нет.

– А слуги? Они очень любопытны.

– Слуги?! Это странно, что ты опасаясь слуг... по-моему, наша жизнь их мало интересует.

– Ты заблуждаешься, моя милая. Именно наша жизнь и интересует их больше всего. Помилуй, чем им еще заниматься?!

– Не знаю, у нас с матушкой не было слуг. Кроме Груньки, глупой девки.

– Ты очень красива с распущенными волосами. Я жду не дожусь, когда смогу видеть, как ты готовишься ко сну. Я не пропущу этого зрелища... – Савва откровенно любовался Надин, она заметила желание в его взгляде и пришла в смятение

– Наберись терпения, потому что тебе еще долго ждать. Но о чем ты хотел со мной поговорить? Неужели об этом? Как томительно ожидание?

Савва вздохнул.

– Нет, не об этом. Надин! Мы можем завоевать мир! Но ты должна мне помочь.

Глаза Надин широко распахнулись от удивления. Она хотела засмеяться, но, увидев лицо Саввы с фанатичным взглядом, подавила смешок.

– Завоевать мир? А зачем нам его завоевывать?

– Зачем? Какой глупый вопрос! Мы будем всемогущи! Деньги, власть, все, буквально все будет у наших ног! Мы не живем сейчас, мы прозябаем! Это жизнь червей, земляных червей. Неужели ты не видишь этого, Надин? Я думал, ты похожа на меня... – Савва дрожал от возбуждения, произнося эти слова.

Надин помотала головой.

– Я не понимаю тебя, ты здоров? У тебя так блестят глаза, может, ты подхватил простуду намедни? Ветер вчера был ледяной.

– При чем здесь ветер?! Надин, послушай... я вполне здоров... не перебивай меня, в библиотеке дяди я нашел книгу... это очень старинная книга, я давно искал ее, но дядя прятал

книгу от меня. Там написано, что нужно сделать, чтобы стать самым могущественным человеком на свете... это не так трудно, Надин, но ты должна мне помочь.

Теперь уже Надин позволила себе откровенно рассмеяться.

– Ты веришь в эти глупости?! Не знала, что мой просвещенный муж столь наивен...

– Надин, не говори так, нам нужно провести ритуал... через два дня, в полнолуние. Мы пойдем в заброшенную церковь на окраине, и я прочитаю заклинание... не смейся, мой дядя хотел это сделать, но не смог, он был слабым человеком, и не годился для этой роли... – голос у Саввы срывался.

Его волнение передалось Надин. Она с самого знала, конечно, что Савва неравнодушен к мистике. Она и сама интересовалась ею, но дальше простого любопытства дело не заходило. Савва еще раз провел рукой по распущенным волосам Надин.

– Я покидаю тебя, мне нужно как следует подготовиться, спокойной ночи! Я очень надеюсь на тебя, милая Надин... – Он вышел из комнаты, тихо притворив за собой дверь.

Надин машинально взяла гребень с туалетного столика и провела им по волосам. Разговор с Саввой оставил двойственное впечатление. Он показался Надин сумасшедшим... нес какой-то бред про могущество, про ритуал... разумеется, сатанинский ритуал, ибо кто еще может обещать золотые горы? Конечно, не Господь... Он ничего не дает даром, все нужно заслужить, он всегда прямо говорит об этом, в отличие от того, другого... в конечном итоге и за услуги Того тоже придется заплатить, но какой ценой?

Надин водила гребнем сверху вниз по волосам, продолжая думать о Савве. Неужели он и правда сошел с ума? Или это просто временное помешательство? Нашел какую-то там дядину книгу и поддался ее чарам? Уверился в том, что все, что написано там чистая правда? Надин положила гребень на столик. А вдруг там действительно написана правда? Надин никогда не читала подобных книг, но слышала об их существовании. Колдуны, маги, медиумы, они читают подобную литературу. Читают, и следуют изложенным там указаниям... наверное, у них что-то получается... они уверены, что заклинания имеют силу... Надин и сама не чуралась таинственного, более того, ей нравилось все таинственное... да что там греха таить, и сейчас это таинственное влечет ее... Еще до знакомства с Саввой она тайком от матушки посещала спиритические сеансы мадам Н., они вызывали там духов великих людей... это было так захватывающе, так интересно! Мадам Н. считала себя медиумом... она смешно закатывала глаза, ее длинные тонкие пальцы тряслись, когда она простирала руки над кругом с буквами и цифрами... Надин было немного жутко и любопытно одновременно. С бьющимся сердцем она наблюдала, как стрелка, лениво начав движение по кругу, убыстряла темп вращения, а потом замирала возле какой-нибудь буквы... буквы складывались в слова, слова в предложения... все, кто были за столом, крепко держались за руки, чтобы облегчить духу пребывание в брэнном мире... Надин плохо помнила, о чем они спрашивали духа... что-то незначительное, несущественное... после этих сеансов у Надин всегда оставалось ощущение, что они невольно прикоснулись к чему-то запретному, неведомому... но манящему...

Иногда мадам Н. сама начинала вещать голосом вызываемого духа... дух изъяснялся очень туманно и непонятно, мог отвечать совсем не то, о чем его спрашивали. Надин считала это хорошо поставленным спектаклем с мадам Н. в главной роли, но в настоящую минуту она задумалась, а было ли это спектаклем? После такого сеанса мадам Н. несколько дней никого не принимала, сказавшись больной. Надин считала, что мадам притворяется, чтобы привлечь внимание, и держать публику в напряжении... Надин презирала ее за это... но теперь она вспомнила, что когда мадам Н. снова открывала двери своего дома для членов кружка, она и правда выглядела бледной и уставшей... Надин подумала, что была несправедлива к ней. Несмотря на все эти казусы, Надин не прекращала посещать кружок, не потому, что так было модно, а потому что ей было действительно интересно.

А потом все внезапно закончилось... Мадам Н. потеряла мужа, а с ним интерес к спиритизму, и кружок распался. Говорили, что она собралась уезжать, так как считает, что это она виновата в смерти супруга. Вернее не она, а ее увлечение. Духи забрали жизнь мужа мадам Н, кроткого незаметного человека, в оплату за удовольствие общаться с ними... так это или нет, Надин точно не знала, но мадам Н. действительно исчезла из города и больше ее никто не видел.

Надин вспомнила, что даже расстроилась тогда, что тайна ушла из ее жизни, но потом познакомилась с Саввой и успокоилась. Савва вносил в ее жизнь этот элемент неизведанного... он всегда был загадочен и непредсказуем. Взять хотя бы женитьбу на ней...

Надин переоделась в ночную сорочку и легла в постель. Что ж... она подыграет Савве... даже если ее муж сошел с ума, это все равно любопытно... зачем ей обманывать себя саму?

Следующие два дня Надин видела Савву мало. Он почти все время проводил в библиотеке и, как предполагала Надин, готовился к ритуалу. Лишь накануне предполагаемого таинства он утром зашел к Надин и, заглядывая ей в глаза, спросил:

– Готова ли ты, милая? Я весь дрожу с утра... так мне беспокойно...

– О чем ты волнуешься? Что может тебе помешать?

– Не знаю, Надин, не знаю... может... хотя, нет, я не хочу даже думать об этом...

Надин не стала ничего говорить Савве, она молча сидела возле трюмо и смотрела на себя в зеркало. Савва вышел, и до самого вечера Надин его больше не видела.

Когда стемнело, и дом погрузился в сон, Савва зашел за Надин. Она ждала его одетой. Они спустились и сели в коляску, запряженную гнедой кобылой. Савва сам занял место кучера.

Заброшенная церковь произвела на Надин гнетущее впечатление. Их появление вспугнуло стаю ворон, и они с противным карканьем поднялись в воздух. Надин невольно вздрогнула. Савва крепко держал ее за руку, словно боялся, что она передумает и уйдет. На самом деле такая мысль и правда промелькнула у Надин, но она не хотела показывать Савве, что испугана. «Это игра, – убеждала она себя, – просто игра...» Вороны кружили над полуразрушенной церковью черной тучей. Надин и Савва прошли внутрь. Там все было покрыто паутиной, в воздухе витал запах тлена. Надин стало холодно и страшно, она задрожала. В ответ Савва только еще крепче сжал ее руку.

– Ты не должна бояться, – прошептал он, – скоро мы станем самыми могущественными людьми на всем белом свете.

Надин с трудом подавила смехок, ей показалось, что игра зашла слишком далеко. Но Савва явно не был склонен шутить. Он подвел Надин к алтарю, и ее изумленным глазам предстало ложе, покрытое черным покрывалом. Отвечая на немой вопрос, Савва произнес:

– Это для тебя, моя милая... не правда ли, оно прекрасно? – Савва нежно провел рукой по черному покрывалу, и Надин снова усомнилась в его нормальности. Любопытство сменилось страхом, но Надин старалась не подавать виду. Теперь она явно увидела, что Савва не играл, и пришла в ужас. Надин огляделась по сторонам. Дверь в церковь, через которую они с Саввой прошли, висела на одной петле и скрипела, раскачиваемая ветром, который свободно гулял в заброшенном прихожанами Божьем храме. Окна были выбиты и затянута мерзкой паутиной, алтарь полуразрушен, пол в некоторых местах провалился и зиял черными дырами. Надин содрогнулась. Как могла она согласиться участвовать в этом отвратительном действе! Как мог Савва уговорить ее?! Теперь Надин плохо это понимала. Она попыталась вырвать руку у Саввы, но он удержал ее.

– Не нужно этого делать, милая Надин... – произнес он почти угрожающе.

– Мне жябло, – Надин поежилась, в подтверждение своих слов, – что ты собираешься делать?

– Мы, дорогая моя, мы собираемся делать... выпей вина и согрейся! – Савва достал откуда-то из-под полы своего черного плаща бутылочку и дал ее Надин.

Надин послушно выпила. Вино имело странный, терпкий привкус. Надин поперхнулась и прикрыла рот рукой. У нее закружилась голова. Словно сквозь вату она услышала голос Саввы:

– Раздевайся, дорогая Надин... я хочу тебя... ты будешь моей прямо здесь...

Надин начала послушно расстегивать платье. Она совершенно не собиралась этого делать, потому что в церкви было очень холодно, а самое главное, она совершенно не хотела осквернять храм, хотя бы и такой, но руки сами начали лихорадочно дергать пуговицы, почти вырывая их с корнем. Надин не чувствовала своего тела, оказалось, что оно живет отдельной от нее жизнью. Слово «грех» звенело в ушах Надин, как набат.

Она стояла перед Саввой совершенно обнаженной, даже не пытаясь прикрыться. Несмотря на холод снаружи, она испытывала нестерпимый жар изнутри, ее снедало желание... она готова была броситься на Савву и отдаться ему... да что там Савва, она готова была отдаться первому встречному, лишь бы унять пожар, полыхающий у нее в нутре. Надин казалось, что ее лоно сейчас вспыхнет, если не вберет в себя то, что ему положено... если сию же минуту оно не примет напряженную мужскую плоть...

Но Савва без особенного интереса окинул взглядом ее трепещущее тело и велел ей лечь на ложе. Надин послушно улеглась и раздвинула ноги. Савва провел рукой по внутренней стороне ее обнаженного бедра и вдруг засунул пальцы в ее промежность. Надин хотела застонать от удовольствия, но не смогла исторгнуть ни звука. Савва вынул пальцы, вытер их о полы своего плаща, вытащил книгу и начал бормотать что-то на непонятном Надин языке. Надин попыталась вслушаться в его бессвязную речь, но так и не смогла сосредоточиться, она страстно желала только одного – совокупления.

Речь Саввы стала быстрой, он начал выкрикивать отдельные слова, взгляд его остекленел... вдруг он выхватил откуда-то длинный узкий кинжал и с остервенением вонзил его в грудь Надин... потом что-то произнес и снова вонзил кинжал в нежную розовую плоть...

Надин даже не успела охнуть... последнее, что уловило ее угасающее сознание, был торжествующий вопль Саввы и жуткая, нечеловеческая боль в сердце...

Савва прочитал заклинание и опустил взор на распростертое на черном покрывале белое тело Надин. Белое, залитое красной кровью тело... Савву затрясло. Он наклонился и лизнул языком теплую кровь... потом жадно приник к ране и стал лакать льющуюся кровь как собака. Напившись, он воздел руки к небу и возопил:

– Отец!!! Я сделал все, что ты велел!!! Ответь мне!!!

Зловещая тишина стояла в воздухе, Савва рухнул на грязный пол без сознания.

И вдруг, лежа на холодном полу, заляпанном нечистотами, он услышал голос... Голос что-то говорил, но Савва не мог разобрать что... голос гремел, он был страшен, но Саввой овладело полное безразличие. Вдруг он почувствовал, как его глаза вылезли из орбит и самостоятельно разместились в пространстве. Его глазные яблоки смотрели прямо на своего хозяина, потом развернулись и уплыли в пустоту... странно, но Савва при этом отнюдь не утратил зрение...

Потом Савву начало рвать, его буквально выкручивало наизнанку, тело содрогалось в ужасных конвульсиях, Савва испытывал нестерпимую боль, он закричал, и исторг из себя свою собственную глотку... с губами. Губы усмехнулись и тоже скрылись в черноте, окружавшей Савву...

Потом от туловища отделилась голова, как будто ее отрезали очень острой бритвой... но она не упала, а поплыла по воздуху, лишенная губ и глаз, с зияющими на их местах черными дырами.

Савва испытывал адские мучения, но по каким-то неведомым причинам видел и ощущал все, что с ним происходит...

Потом из обезглавленного тела будто кто-то резким рывком вырвал сердце... сердце билось и трепыхалось, с него капала кровь... с груди свешивались куски кожи... и вот сердце тоже исчезло в бездонном черном сумраке.

Потом от исковерканного тела с ужасным хрустом отделились руки...

Савва чувствовал теперь только боль, он весь был болью, сплошной кровавой раной, месивом из костей и мяса... он хотел зарыдать, из-за того, что был так жестоко обманут, но у него не было глаз...

Свечка, горевшая у алтаря, упала на пол, задев край покрывала... оно вспыхнуло, огонь пополз вверх, подгоняемый ветром, лизнул руку Надин... скоро все ложе уже полыхало, как гигантский костер.

Но огню этого было мало. Он подкрался к телу Саввы, распростертому на полу, и вцепился в край его черного плаща. Потом весело запрыгал по полу, пожирая на своем пути старые прогнившие конструкции.

Через несколько минут вся церковь уже пылала, хороня под собой тайну происшедшего здесь святотатства.

То, что церковь полыхает, заметили не сразу. Она находилась на отшибе, далеко от деревни, к тому же была ночь. Уже под утро кто-то из крестьян заметил столбик дыма и отправил мальчишку посмотреть, что случилось и не горит ли лес? Мальчишка вскоре прибежал, запыхавшись, и доложил, что сгорела старая церковь. Мужик махнул рукой, мол туда ей и дорога... да и никто особенно не горевал по этому поводу – среди местного народа давно ходили слухи, что старую церковь давно облюбовала нечисть для своих забав...

Первым исчезновение Саввы и Надин заметил старик Евдокимыч. Когда к полудню барин с барыней не вышли из своих комнат, он забил тревогу. Их поискали, но нигде не нашли. Никто не знал, куда они делись. Дворовая девка Малашка вспомнила, что видела, как стемнело барин и барыня сели в повозку и уехали, а более она ничего не знала. Евдокимыч умолял ее вспомнить еще хоть что-то, но Малашка упрямо качала головой, и старик отстал. Чего зазря девуку пытаться? Неужто ей за повозкой нужно гнаться было?

Вызвали урядника, тот расспросил дворовых, но ничего путного не узнал. Дело открыли, но поиск в окрестностях ничего не дал. Савву и Надин искали несколько месяцев, но безрезультатно. Тогда решено было отдать имение наследникам, если таковые найдутся.

Единственным наследником имения оказалась теща Саввы, матушка Надин, Дарья Спиридоновна. Она приехала в имение, чтобы доживать тут свои дни, как она выразилась, и скорбеть о пропавших – Савве и Наденьке.

Тут прожила она остаток отмеренных ей лет и тихо скончалась в 1914 году. Похоронили ее на местном кладбище. О Савве и Надин никто больше ничего не слышал, а начавшиеся впоследствии события и вовсе стерли память о них даже у тех, кто их знал.

1988—1999 год, Россия

Молодой человек сидел за кухонным столом в грязной коммуналке и пил кефир. Его равнодушный взгляд блуждал по заляпанным жирными пятнами стенам, по давно немывтым стеклам, в конце концов опустился на пол, по которому полз огромный черный таракан. Молодой человек хотел раздавить его, но потом передумал и убрал ногу. Таракан внушал ему чувство уважения, потому что не боялся ползти по враждебной территории прямо среди белого дня.

Молодой человек допил кефир и уставился в желтый, в разводах потолок. Жилище было хоть и паршивым, но своим. Он давно хотел остаться один. Эту занюханную коммуналку он получил от государства, как выходец из детского дома. Конечно, ему полагалась отдельная

квартира, о чем был прекрасно осведомлен. Просто в данном случае это было не принципиально. Молодой человек начал негромко насвистывать.

Его мать была шлюхой. Ее изнасиловали, и она родила его. Смешно! Шлюху – и изнасиловали! Вспоминая это, молодой человек всегда смеялся. А может, она и не была шлюхой? Но, во всяком случае, с головой у нее было не в порядке, это можно было сказать совершенно точно. Пару раз она приходила в детский дом, рыдала, обещала забрать его домой, но естественно, не выполнила обещания. Но он не расстроился, он никогда не считал ее своей настоящей матерью. А потом ему сказали, что она умерла, кажется, ее убили. Он даже был этому рад, потому что не хотел видеть ее опухшего с глубокого похмелья лица и пьяного раскаяния. Он не проронил ни слезинки, узнав это. Она была противна ему, противна до глубины души, поэтому ее преждевременная смерть несколько его не расстроила.

А потом он вырос и покинул стены детского дома, тоже впрочем, не особенно жалея об этом. Поселился в коммуналке, поступил на завод, вступил в комсомол. Никто не мог сказать о нем ни единого дурного слова. Никто ничего не знал о нем, кроме сухих сведений официальной биографии. Он не стремился раскрывать душу, хотя на контакт шел легко.

Но сам он знал о себе все. Он знал, кто он. Он знал, кто его Отец. Он знал, что он хочет. Он знал, что он не один, и что он должен найти куски своей собственной плоти, своих братьев и сестер. Так велел его Отец, а значит, он найдет их, чего бы это ему не стоило.

Он помнил, как давно он привел в заброшенную церковь девушку, убил ее, а потом напился теплой крови. И все это потому, что так хотел его Отец. Он обещал ему за это неограниченную власть. А потом он валялся на полу и от него со страшной болью отделились глаза, глотка, сердце и руки... в нем еще остался отголосок той нечеловеческой боли, которую ему довелось пережить тогда... сладкой боли, боли для Отца и во имя Отца... он думал, что Отец оставил его останки гнить на грязном полу... но даже такая жертва не испугала его тогда... он готов был отдать жизнь за Отца...

Но ОН не хотел брать его жизнь. ОН поднял его из небытия, где он, раздавленный и жалкий пребывал, и поместил в брюхо непотребной шлюхи... но и этому он был рад...

А потом он появился на свет. Вылез из немытого чрева, как червяк из подземелья и закричал... шлюха исполнила свою роль и больше была не нужна. Он понял это сразу, как освободился из ее вонючего нутра. Потом был детский дом. Отец испытывал его на прочность.

А потом Отец велел ему найти куски своей плоти... ибо как можно жить без глаз? Без глотки? Без рук? Без сердца? Отец сказал, что разделил их, потому что в одиночку никто не может пользоваться безграничной властью. Безусловно, он прав. Он понял это только сейчас. Понял великий замысел Отца. Не случайно он выбрал ему в матери грязную шлюху, ибо у него не могло быть матери, только Отец. Молодой человек улыбнулся.

В детдоме ему дали имя Ник, Никита. Он не возражал, пусть будет так, тем более, что имя ему нравилось.

Ник окинул взглядом кухню. Мерзкое местечко, но ничего, скоро все изменится. А пока нужно найти глаза и руки.

Его размышления прервал сосед по коммуналке, слесарь из ЖЭКа дядя Миша. По случаю выходного он был в стельку пьян. Дядя Миша плюхнулся на соседний стул и икнул. Ник брезгливо поморщился, встал и собрался уходить. Дядя Миша его раздражал.

– Ну как дела, сынок? – Дядя Миша изобразил искреннюю заинтересованность.

Ник не удостоил его ответом. Дядя Миша махнул рукой, открыл холодильник, достал бутылку водки, поставил ее на стол и налил в стакан. Смачно крякнув, выпил. Очевидно, пить одному было скучно, поэтому дядя Миша обретя после принятой на грудь дозы прыть, подскочил к Нику и схватил его за руку:

– Может, составишь компанию, сынок? Выпей рюмочку со старым человеком! Не побрезгай, соседушка! – От него разлило перегаром и гнилым нутром.

Ник медленно развернулся и заглянул ему прямо в глаза. От этого взгляда дядя Миша поежился, его кураж несколько ослабел, но не пропал. Он смотрел на Ника, наивно хлопая выцветшими глазками. Очевидно, чувство самосохранения его окончательно покинуло.

Ник не сдержался, его обычное хладнокровие отказало ему. Он взял дядю Мишу за горло холодными пальцами и сжал. Глаза у дяди Миши вылезли из орбит. Он хотел что-то сказать, но только хватал ртом воздух, будто рыба, выброшенная на берег. Ник не ослаблял хватку. Медленно, четко произнося каждое слово, он сказал:

– Если ты еще раз, дерьмо, заговоришь со мной... если ты откроешь свой поганый рот... я отправлю тебя туда, где тебе самое место... тебе понятно?!

Дядя Миша изобразил кивок. Ник отпустил его. Дядя Миша схватился за горло и захрипел. Ник, не обращая на его больше внимания, удалился к себе в комнату, где у него царил идеальный порядок, несмотря на разруху снаружи. Дядя Миша сел на стул и оторопело уставился на бутылку.

– Ну зачем так, сынок... – прошептал он, потирая горло, – не дурак, понимаю... так бы сразу и сказал, что ни-ни... – дрожащей рукой она налил себе стакан водки и залпом его выпил. Потом, шатаясь, встал и направился в свою комнату, от греха подальше. Початую бутылку и стакан он захватил с собой.

Ник ругал себя за несдержанность. Как он мог так поступить? Старый идиот может пожаловаться на него или просто сболтнуть кому-то и тогда прощай его безупречная репутация. Нет, безусловно, вряд ли кто поверит, что такой положительный молодой человек мог оскорбить старика, но... это вечное «но»... кому-то упадет в душу, кто-то при случае может вспомнить это неожиданное проявление жестокости, вспышку ярости... думая об этом Ник пребывал в скверном настроении. Он не может подвести Отца, не может допустить, чтобы их великая цель отодвинулась даже на мгновение по его собственной глупости. А это могло означать только одно – ошибки нужно исправлять. Но исправлять с умом. И снова круг замкнулся – ему нужны руки. Он не может пачкать свои. Тут Ник усмехнулся. Каламбур. А чьи это руки? Его, разумеется. Только их нужно найти, найти как можно быстрее. Ник задумался. С чего начать поиск? Это был сложный вопрос. Как он узнает их? Ник потерял серебряное кольцо у себя на пальце и улыбнулся про себя. Он узнает их. Они должны иметь метку – точно такое же кольцо.

Ему вдруг мучительно захотелось выпить, хотя он почти не пил. Зная наперед, что ничего не бывает просто так, Ник поспешно оделся и вышел. Из соседней комнаты доносился могучий храп дяди Миши.

Ник дошел до ближайшего кафе с многозначительным названием «Рандеву» и уселся за дальний столик, чтобы понаблюдать за обстановкой. Посетителей было немного, в зале царил полумрак. Ник заказал рюмку коньяку и нарезку из колбасы. Лениво потягивая коньяк, он осматривал полупустой зал, прикидывая, не зря ли он сюда столь поспешно явился.

В кафе зашел парень, окинул оценивающим взглядом зал, и направился прямо к Нику. Ник почувствовал вибрацию на кончиках пальцев, и понял, что пришел сюда не зря. Как вообще можно было напрягаться по такому пустяковому поводу? Конечно Отец придумал, как устроить так, чтобы он как можно быстрее нашел руки. И именно в тот момент, когда они ему нужны. Он улыбнулся парню. Тот расцвел ответной улыбкой и спросил разрешения присесть рядом. Ник решил его проверить.

– Садись. А ты всегда садишься к незнакомым людям за столики? Здесь полно свободных мест.

– Нет. Но сегодня чертовски не хочется пить одному... моя подруга ушла к другому... бросила меня, если можно так выразиться. Так разрешишь присесть?

– Я же сказал, что да. Мне тоже сегодня грустно, так что буду даже рад.

Парень сел на соседний стул.

– Что пьешь?

– Коньяк. – Ник взялся за рюмку, потому что не хотел, чтобы парень заметил дрожь его пальцев.

– Я тоже возьму коньячку. Тебя как зовут? Я Петька, мент. – Парень засмеялся. – А ты кто?

– Я Ник, на заводе работаю, учусь на вечернем.

– Классно! Как тебе на заводе? Я терпеть не могу от звонка до звонка... ну, брат, за знакомство! – Петька опрокинул в рот рюмку и выдохнул воздух.

Когда он взялся за рюмку, Нику бросилась в глаза наколка у него на указательном пальце. Он взял Петьку за руку, чтобы рассмотреть то, что было там выколото и испытал легкий шок – на указательном пальце Петьки красовалось его кольцо, то самое кольцо, которое ему подарил Отец, чтобы узнать свою плоть.

– Хорошая работа, – Ник отпустил Петькину руку, – в темноте можно принять за настоящее.

– Нравится? – Петька раздулся от гордости. – В журнале увидел, не смог удержаться. На настоящее бабок не хватает. Не заработал. Еще по рюмахе накинём?

– Как скажешь. – Ник позвал официанта и заказал еще коньяку.

Петька напился быстро. Он много говорил, смеялся и жестикулировал. Речь его изобиловала сальными шутками и нецензурными выражениями. Ник молча слушал его, стараясь не перебивать. Его собственные Руки не очень импонировали ему, но это были его Руки, и с этим ничего нельзя было поделать.

Увидев, что Петька накачался так, что вряд ли дойдет до дома, он попросил официанта вызвать такси, и они вдвоем погрузили его туда. Недовольный таксист заворчал было, что они испачкают ему всю машину, но Ник так посмотрел на него, что таксист замолчал и больше не проронил ни слова до самого дома Ника и даже помог ему затащить тело Петьки в комнату. Ник заплатил ему сверх счетчика, потому что ценил помощь. Он знал, что любые услуги должны оплачиваться сполна, иначе тебе могут предъявить счет в самый неподходящий для тебя момент. Ник не хотел иметь неоплаченных долгов.

В своей комнате он бережно положил Петьку на кровать, а сам сел в кресло и включил телевизор.

Петька проснулся через пару часов совершенно трезвый и сел на кровати.

– Эй! – Он протер глаза и обнаружил сидящего в кресле Ника. – Ты кто?

– Твой брат, – спокойно сообщил ему Ник.

– Мой брат?! У меня нет братьев. Сирота. Мать-шалава в детстве бросила, а государство подобрало.

– Меня тоже. У нас один Отец. Он хотел, чтобы я нашел тебя, ты мне нужен.

– Один отец? Откуда ты знаешь?

Вместо ответа Ник взял Петьку за руку и показал ему на кольцо.

– Откуда это у тебя? Вчера ты сказал, что из журнала...

Петька смутился.

– Я наврал. Я не знаю, откуда. Оно было всегда. Я всегда его помню. Не могу вспомнить, кто колот... мамаша до пяти лет меня по притонам таскала, наверно ее дружки подшутили, не знаю... я тот период вообще не помню, уж извини, брат маленький был. – Петька усмехнулся, но усмешка та была горькой. Он помнил, конечно помнил, хотя и был совсем крохой...

Он помнил, что сидел в углу на куче мусора в вонючей хате, которую даже квартирой язык назвать не поворачивался, и играл с бутылкой. Его мамаша, вдрызг пьяная, обжималась с очередным хахалем-собутыльником. Петька помнил ее булькающий смех, ее пьяные всхлипывания, когда собутыльник лапал ее грязными руками... они совершенно не обращали на него внимания, распаленные похотью и водкой. Ему было холодно, сначала он плакал,

а потом перестал, потому что его плач ровным счетом никого не беспокоил... ему было очень одиноко, он хотел умереть, он хотел, чтобы было тепло, он не хотел слышать этих мерзких хлюпающих звуков и стонов... а потом вдруг его окружила Тьма... Тьма была плотной, туда не проникал не единый луч света. Сначала он испугался, но Тьма была такой миролюбивой, она успокоила его, что бояться нечего. Стало очень холодно, а потом тепло, и он расслабился... даже наделал в штанишки... но Тьма не стала его ругать, не стала смеяться над ним... она обняла его, и он приник к ней, будто к матери... Тьма поцеловала его, а потом его пронзила ужасная боль... болела рука, а точнее указательный палец... он заплакал, забился в истерике, но Тьма была беспощадна... а потом боль прошла и он уснул... а когда проснулся, Тьма отступила, а на его пальце красовалось это кольцо...

Мать и ее хахалы нашли бездыханными – отравились водкой или наркотиками, а он очутился в детском доме.

После этого случая Тьма являлась ему еще несколько раз. Она всегда была дружелюбно настроена, что-то ласково шептала ему на ухо... что-то очень важное, но он всегда забывал, что именно... всегда хотел вспомнить, но никогда не мог. И вот сейчас его осенило – Тьма хотела сообщить ему, что он должен встретить Ника... Да, да, именно Ника, сейчас он это отчетливо вспомнил. Вспомнил, и вздохнул с облегчением. Наконец-то! Теперь Тьма может быть спокойна, он выполнил ее волю. Только нужно проверить, не ошибся ли он. Но Ник словно прочитал его мысли.

– Смотри! – Ник протянул Петьке руку и показал свое кольцо.

– Ух ты! У тебя настоящее? Красотень! – Петька погладил кольцо.

– Настоящее. Его дал мне мой Отец. Чтобы я нашел всех вас.

– Так мы не одни? Слушай, сушняк замучил... дай хлебнуть, а то погибну, и вообще расскажи все поподробней, и если все правда, мы это дело запомним, то есть отметим.

Ник вышел в кухню, достал из холодильника бутылку, забытую дядей Мишей и налил немного в стакан, а потом вернулся в комнату и отдал стакан Петьке. Тот залпом его выпил. Посидел немного, потом вопросительно уставился на Ника.

– Это все? Не маловато будет?

– Нет, – отрезал Ник так, что Петька замолчал и съезжился на кровати.

– Тогда валяй, рассказывай, брат!

– Я не хочу упоминать всуе имя Отца нашего, ты скоро и сам догадаешься, кто ОН. Он поручил нам великую миссию – мы будем управлять миром. Мы будем всемогущи и велики. Ты – мои Руки. Ты выполнишь то, что я тебе скажу.

Петька слушал. Человек, сидящий перед ним, говорил невозможные, абсурдные вещи. Он был сумасшедшим, совершенно безумным, но Петька почему-то ему верил. Более того, он ЗНАЛ, что Ник говорит правду... он сам чувствовал, что есть еще кто-то, кому он должен беспрекословно подчиняться. Он тоже искал его, но Ник оказался проворнее. Что и говорить, голова! Петька его сразу зауважал. Ник – его старший брат, его плоть. Петька заплакал и потянулся к Нику. Ник обнял его и погладил по голове.

– Я рад, что нашел тебя. Ты мне нужен. Потом мы найдем остальных.

Петька утер слезы.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? Мне уйти из милиции?

Ник задумался.

– Нет. Ты будешь там, пока я не велю тебе делать другое. А сейчас мне нужно избавиться от мешка дерьма, что лежит в соседней комнате. От него все равно нет никакой пользы, так что мир немного потеряет. Но сделать все нужно так, чтобы комар носа не подточил. Ни у кого даже мысли не должно возникнуть, что я имею к этому какое-то отношение.

– Я все устрою, тебе не о чем беспокоиться, – затараторил Петька, – иди к приятелю и приходи вечером. Я оставлю дверь открытой. Запиши мой адрес, это тут, недалеко. Приходи ко мне завтра, я буду тебя ждать.

– Хорошо. – Ник оделся и вышел, нарочито хлопнув дверью.

Он решил пойти к одному приятелю, который устраивал вечеринки буквально каждый вечер. Он был удобен тем, что к нему можно было прийти в любое время после работы, он всегда был дома, и у него всегда можно было найти теплую компанию. Обстановка была милой, непринужденной, там всегда были рады гостям, и Ник был абсолютно уверен, что придется ко двору. Он пару раз посещал этого приятеля, но близких отношений у них не было. Теперь Ник решил, что пришла пора исправить это упущение.

Он надавил кнопку звонка. Дверь тотчас распахнулась, как будто хозяин стоял прямо за ней. Он был немного навеселе и, увидев Ника, удивленно поднял брови.

– Какие люди! Старик! Сколько лет, сколько зим! Проходи, не стой как мумия! – Он схватил Ника за рукав куртки и втянул в комнату. – Что тебя принесло?! Какие ветры заду-у-ли! – Приятель запел и засмеялся.

– Вселенская тоска. Надоели одинокие вечера. Соскучился по теплой компании.

– И правильно сделал! Штурм наук, это конечно, хорошо, но и расслабиться иногда не помешает. Верно? – Приятель заговорщически подмигнул Нику.

Ник снял куртку и хотел пройти в комнату, откуда слышался женский смех, но приятель, а его звали Олег, задержал Ника.

– Постой! Там у меня две цыпочки, Машенька и Ирочка... Машенька моя, я ее уже неделю окучиваю, а Ирочку бери себе, если понравится. А нет, так просто отвлеку. Слушай, чертовски здорово, что ты зашел, а то я уже не знал, кому и позвонить. Договорились?

– Заметано! – Ник пожал протянутую ему руку, и молодые люди вошли в комнату.

Ни Машенька, ни Ирочка, Ника не интересовали. Он равнодушно скользнул взглядом по их хорошеньким личикам, которые с любопытством уставились на него, и не нашел в них ничего особенного. Ему вдруг пришло в голову, что его Сердце может быть девушкой... девушкой, которую он должен будет разыскать. Но сейчас думать об этом не хотелось – Сердце он будет искать в последнюю очередь. Ник улыбнулся девушкам, продолжая стоять и ждать, когда Олег их познакомит. Олег обнял Ника за плечи и торжественно произнес:

– Милые дамы! Рад представить вам надежду советской науки, общественного деятеля, просто хорошего человека и отличного парня – Ника!

Пухлая блондинка жеманно потупила глазки и произнесла:

– Мария!

Вторая девушка, стройная серьезная шатенка, сухо кивнула:

– Ирина.

Олег подтолкнул Ника к столу.

– Что ты как чужой? Садись, под бочок нашей прелестной Ирочке! Наливай девочкам вина! Давай выпьем за знакомство!

– Постойте! – Ник внезапно спохватился. – Я кое-что вам принес! – Он достал из целлофанового пакета бутылку шампанского и плитку горького шоколада и поставил на стол.

Олег сделал круглые глаза.

– Ого! И откуда у нас такое богатство? Да еще и столь неурочное время? Да ты, брат, волшебник!

Ник скромно потупил глаза.

– Не парься. Дома было на всякий пожарный. Решил к тебе прихватить.

– Молоток! Нам как раз шампусика и не хватало. Правда, девочки?

Машенька хихикнула.

– Обожаю шампанское. Только у меня от него голова кружится... ну просто совсем ничего не соображаю...

– Вот и отлично, что не соображаешь! – Олег шутливо притянул Машеньку к себе. – Ник, налей ей двойную порцию!

Ник разлил шампанское по бокалам и пригубил свой. Он подумал, что может Петька делать у него в квартире с пьяным дядей Мишей? Впрочем, ему было все равно. Петька должен был решить эту проблему. Он его руки, и точка. Он, Ник, решает, ЧТО делать, а Петька решает КАК делать. Не дело Ника забивать себе голову такими пустяками. Ник допил шампанское и налил себе водки – вечер предстоял долгий.

После бутылки шампанского неловкость от неожиданного прихода Ника развеялась, и через полчаса за столом уже велась оживленная беседа. Олег шептал что-то на ухо Маше, она весело смеялась, поправляя юбку на круглых коленях. Олег же все время пытался будто невзначай положить ей руку на ногу. Ник видел, что Машу это смущало, но уговор был дороже денег, и Ник старался отвлечь Ирочку, чтобы не мешать другу. Он хотел увлечь Ирочку в соседнюю комнату, чтобы оставить Олега и Машу наедине, но она недвусмысленно дала ему понять, что не оставит подругу. Ник пожал плечами – вольному воля.

Неожиданно для всех, Олег, смеясь, буквально вырвал Машу из-за стола и потащил едва стоящую на ногах девушку в коридор. Она не сопротивлялась. Ирина хотела посадить Машу обратно, но Ник помешал ей.

– Оставь, у них роман.

– Роман? Вот это новость! Мне Машка ничего не говорила.

– Просто она очень скрытная. А мне Олег все уши прожужжал. Любовь...

– Шутишь... я бы знала.

– А зачем тебе знать? Меньше знаешь, лучше спишь... – Ник вдруг ни с того, ни с сего ощутил запах женщины... самки... ему страшно захотелось эту самку... он грубо схватил Ирину и притянул к себе. Жадно поцеловал её в губы. Ирина начала отбиваться, но потом затихла и ответила на поцелуй. Ник молча, без всяких предисловий, залез ей рукой под юбку и стянул трусики. Девушка была влажной... кровь ударила Нику в голову. Он расстегнул ширинку на брюках и мощным рывком вошел в ее влагище. Ирочка ойкнула, но закатила глаза и подалась навстречу Нику.

Он быстро закончил свое дело и торопливо застегнул ширинку. Ира оправила юбку и натянула ее на колени. Они сидели рядом и ели колбасу, запивая ее водкой, так, будто ничего не произошло. Ник подумал, что Ира не такая простая, как кажется. Он решил потом поподробнее расспросить про нее у Олега. Она явно не новичок... с такой страстью набросилась на него... милая девчушка. Интересно, что она думает о нем? В любом случае, у него есть сто-процентный свидетель того, как он провел вечер. Ник зевнул и покровительственно похлопал Ирину по колену.

– Тебя родители не потеряют? Поздно уже... или вернее, рано...

– Они на даче остались ночевать.

– Значит ты нехорошая девочка? Не слушаешься маму с папой?

– Им все равно. Тем более, я совершеннолетняя, могу делать, что захочу.

– Какая смелая!

– Да, я такая! – Ирина дерзко посмотрела на Ника, Ник усмехнулся.

– Ну, как знаешь... телефончик не напишешь?

– А ты будешь звонить?

– Не знаю, – честно признался Ник, – может, и буду...

– У Олега есть, спросишь, если интересно.

– Хорошо, спрошу. Ну, мне пора. Засиделся я что-то...

– Мама заругает? – Ирина усмехнулась.

– Я из детдома.

– Извини... где там Машка? Дрыхнет что ли, влюбленное создание? Вот ей мамаша устроит! В жизни не слышала, чтобы так орали! Ее мать сумасшедшая, истеричка. Орет, а потом глотает валерьянку. Дура.

Ирина встала и пошла искать подругу, а Ник удалился, не прощаясь. Он был доволен, его алиби неопровержимо.

Дверь в свою квартиру он открыл сам. Стояла абсолютная тишина, и Ник понял, что Петька сделал своё дело. Он прошел на кухню и застал Петьку сидящим за столом. На звук шагов Петька обернулся, и рот его расплылся в широкой улыбке.

– Братуха! Я всё сделал, как ты просил. Я молодец? – Петька был немного пьян, но Ник сделал вид, что ничего не заметил.

– Молодец. – Ник сел напротив. – Рассказывай.

Петька понизил голос, как будто их кто-то подслушивал.

– Он там, – Петька ткнул пальцем куда-то в сторону двери, очевидно имея ввиду комнату дяди Миши, – готов...

– Хорошо. Как ты этого добился?

– Неважно. Превысил дозу алкоголя, сердце не выдержало.

– Именно это я и хотел от тебя услышать. Давай помянем. Налей по маленькой.

Петька с готовностью вскочил, открыл холодильник и достал початую бутылку водки. Поставил на стол стаканы и налил себе и Нику. Они молча выпили.

– Бутылку заберешь с собой. – Ник закусил водку огурцом, сиротливо лежащим на тарелке. – Надеюсь, его бутылка, – он кивнул в сторону, – имеет только его следы?

– Обижает! – Петька налил себе ещё и торопливо выпил. – Забыл, где я работаю? Меня таким вещам учить не нужно.

– Отлично. Иди домой, а я вызову скорую.

– Нет. – Петька покачал головой. – Иди на работу, пусть потерпит до вечера. Так безопаснее. Ты что, каждое утро заглядываешь к нему в комнату?

Ник кивнул, подумав, что его Руки тоже кое-что соображают. Петька взял со стола бутылку и спрятал её во внутренний карман куртки.

Ник услышал, как хлопнула входная дверь. Он прошел к себе, разделся и лёг. Ему оставалось спать около часа.

Петька добрался до своей полуразвалившейся халупы на окраине города через час после того, как покинул Ника. У него был выходной, поэтому он принял душ, допил остатки водки и с наслаждением растянулся на старом диване, забросив руки за голову. Сон пока не шел. Петька вспоминал дядю Мишу. Он не доставил ему особенных хлопот. И вообще не доставил никаких хлопот, если разобраться.

Петька сидел на кухне, когда дядя Миша вышел из своей конуры и увидел его. Он немного удивился, обнаружив в квартире незнакомого человека, но Петька поспешил успокоить его, что он друг Ника. Ник велел подождать его здесь, у него какие-то срочные дела. А пока он не против составить дяде Мише компанию. Дядя Миша даже обрадовался неожиданному собутыльнику, он радостно потер руки и жадно уставился на бутылку, которую Петька предусмотрительно поставил на стол. Петька налил им по полстакана и велел дяде Мише проверить дверь – заперта или нет? Чтобы чужие не вошли, объяснил он дяде Мише. Дядя Миша с готовностью бросился выполнять просьбу, предвкушая попойку и застольное общение. Пока он ходил, Петька успел налить ему в стакан лекарство, который он купил в аптеке, пока дядя Миша спал... очень простое, распространённое лекарство, если разобраться... вот только самым фатальным образом вступает в контакт с алкоголем, увы...

Это было началом конца. Дядя Миша быстро потерял сознание. Петька спокойно наблюдал, как он бился в судорогах, хватая ртом воздух. Пальцы его конвульсивно то сжимались, то

разжимались. Петька даже с некоторым интересом наблюдал за предсмертной агонией человека, которого сам же и отправил на смерть.

Когда дядя Миша затих, Петька поднял с пола бездыханное тело, перенес его на кровать в комнату, затем вышел, плотно прикрыл за собой дверь, вернулся в кухню и сел ждать Ника.

Ему удалось даже немного задремать прямо на стуле. И в этот момент его окружила Тьма... она явно была довольна тем, что Петька сделал... Тьма дружелюбно что-то шептала ему на ухо, одобрительно обнимала за плечи, она обволокла его всего, с головы до ног... но это была уже та Тьма, которая приходила к нему до этого... на этот раз Петька остро почувствовал, что Тьма проникла к нему в самое сердце... вползла, как змея, и осталась там, не вся, совсем немного, но Петька ясно ощутил холод, который проник в каждую пору его кожи... но он не испугался, он знал, что так нужно... он создан для этого, он – порождение Тьмы, он ее отпрыск, ее щупальце, он живет благодаря Тьме... он должен выполнять приказы Ника, он не виноват, что дядя Миша встал у них на пути... он не испытывал неприязни лично к дяде Мише, как, впрочем и Тьма... очевидно это было судьбой. Да и кому он был здесь нужен? Никчемный, лишний человек... некому даже плакать о нем. Ни семьи, ни детей, ни родственников... он сам виноват, что жил такой жизнью... он должен быть счастлив, что Тьма выбрала его, спившегося алкаша, теперь Тьма заберет его душу себе, и он будет частью Тьмы.

Петька улыбнулся сам себе. Он – орудие Тьмы. Это звучало обнадеживающе. Петька сладко потянулся, повернулся на бок и уснул, убаюканный чувством выполненного долга.

Ник проснулся, сделал зарядку, умылся и отправился на работу. Труп в соседней комнате его нисколько не смущал.

Первый, кого он встретил на работе, был Олег. Олег вяло пожал ему руку, сделав кислое лицо – он явно болел после вчерашнего. Ник поинтересовался у него, как Машенька. Олег досадливо махнул рукой, мол, и не спрашивай. Ник удивленно приподнял бровь. Олег тяжело вздохнул.

– Облажался я, как последний идиот... стыдно вспомнить... три часа мучился, пытался... никак... пить меньше надо... знал же, что так будет и все равно нажрался!

– Да не переживай ты так, в следующий раз получится. – Ник сочувственно посмотрел на друга. – Твоя подружка и сама едва на ногах держалась, не помнит наверное, ничего.

– Только и надежда на это. Ладно, позвоню ей вечером, приглашу завтра в кино. Зацепила она меня, сам не пойму чем. А у тебя с Иркочкой что? – спохватился вдруг Олег. – Так и просидели весь вечер?

– Да, проболтали... – решил соврать Ник. Он подумал, что Олегу незачем знать все его тайны.

– Как она тебе? – Олег поморщился. – Голова раскалывается.

– Кто, Ира или Маша?

– Ну, Маша... понравилась?

– Милая девочка. Но не в моем вкусе. Лишь бы тебе нравилась. – Ник ободряюще похлопал Олега по плечу. – Не переживай, со всеми бывает. Конфетки, шоколадки, цветочки... она все простит, можешь не сомневаться.

– Твоими бы устами... – Олег испустил тяжкий вздох.

– Да всё нормально будет. Ладно, я побежал, работа не ждет.

Ник оставил Олега грустить в одиночестве и пошел в комитет комсомола, где состоял в активе. Он занимался общественной деятельностью, и метил на место секретаря их заводской ячейки. Отец сказал ему, что так нужно. Он не спорил, хотя пока и не понимал зачем. Хотя здесь была власть... пока небольшая, мизерная, но все же власть... и эта власть ему нравилась. Не нужно торопиться, все придет в своё время. Отец не оставит его. А пока нужно закончить начатое, то есть довести дело с дядей Мишей до логического конца. Ник решил устроить ему

приличные похороны за свой счет и выбить деньги от завода. Это благоприятно скажется на его имидже, подумал Ник, втайне радуясь своей собственной сообразительности.

Вечером, вернувшись домой, Ник первым делом заглянул в комнату дяди Миши. Он сразу понял, что Петька не обманул его и дядя Миша стопроцентный покойник. Ну просто мертвее не бывает. Он лежал на грязной кровати, вытянувшись, с закрытыми глазами. Вид мертвого тела неприятно поразил Ника. Он захлопнул дверь, вышел на улицу и позвонил в скорую. Когда санитары погрузили тело на носилки и унесли его, он взял такси и поехал к Петьке.

Петька еще валялся на кровати, когда пришел Ник. Он бросился накрывать стол, но Ник жестом остановил его.

– Не трудись, брат. Я по делу. Нашего друга увезли в морг, я полагаю, имей ввиду, – все должно быть на должном уровне. Чтобы комар носа не подточил.

– Мог бы не говорить, – буркнул Петька, – сам понимаю.

– А раз понимаешь, так поднимайся и в морг. Ты власть или не власть?!

Петька неохотно поднялся и начал одеваться. Ник молча наблюдал за ним.

На улице они разошлись в разные стороны, едва кивнув друг другу на прощание.

Петька отправился напрямиком в морг. Он досадовал на себя, что не подумал о вскрытии. Дядя Миша был еще не столь древним, чтобы эта процедура его миновала.

В морге никого не было, и Петька прошел прямо к патологоанатому. Им оказался дюжий рыжий мужик с красным лицом – явный любитель спиртного. Но здесь Петька его хорошо понимал, при такой работе и не пить, это можно чокнуться. Докторишка удивленно уставился на Петьку.

– Что вам угодно, молодой человек? Ищете пропавшего родственника?

Петька ткнул ему в нос своё удостоверение. Докторишка скользнул глазами по фото и отвернулся.

– Чем обязан?

– Трупы сегодня не привозили?

– Один привезли. Ничего интересного. Алкаш какой-то. Не рассчитал дозу, мне думается. Или сердечко не выдержало. У алкашей сердечки слабые.

Петька в упор посмотрел на мужика и поманил его пальцем, чтобы тот наклонился к нему.

– У него было очень слабое сердце... я его знаю... он просто не просыхал, – Петька полез в карман и достал купюру. – Он в коммуналке живет с моей... девушкой... не хочется комнату потерять... мы собираемся пожениться, а лишние проволочки... ну, сам понимаешь, вдруг въедет кто-то или родня обнаружится. Короче, хотелось бы избавиться от проблем. Поможешь?

– Да не вопрос. – Анатом схватил купюру и засунул в карман. – Мне эта алкашня до фонаря. Тем более что по всем признакам он от сердца и помер.

– От сердца, я тебе точно говорю, – Петька кивнул, – садись, пиши заключение.

Рыжий крякнул, достал бланк и написал заключение, поставив в конце размашистую подпись. Петька прочитал его и остался доволен.

Через неделю тело анатома, подписавшего заключение о смерти дяди Миши, наши на пустыре с проникающим ножевым ранением грудной клетки. Он ходил этой дорогой в свой гараж каждую среду, потому что именно каждую среду у него было свидание с любовницей. Анатом почти никогда не пропускал этих свиданий...

Петька появился в квартире Ника, когда тот уже заканчивал ремонт. Петька удивленно присвистнул.

– Да, ты, брат, развернулся! Красотища!

– Садись, я пока не закончил. Потом переедешь ко мне.

– К тебе?! Вот это новость! Ты хочешь, чтобы я жил с тобой?
– Мы будем жить все вместе. И другие тоже.
– Какие другие? Есть кто-то еще?
– Я тебе кажется говорил, что у нас есть еще братья... или сестры. Мы найдем их всех... в свое время. Мы – единое целое. Мы не можем существовать по отдельности.
– Как тебе удалось оформить квартиру? Проблем не возникло?
– Нет. Я кое с кем поговорил. Мне не отказали. Передовик, детдомовец, ну, сам понимаешь... скоро стану секретарем нашей комсомольской ячейки.
– Растешь, братуха! Поздравляю. Рад за тебя.
– За нас. Ты не посторонний.
– За нас... – эхом повторил Петька. – Здорово звучит – за нас. Я люблю тебя, брат! – в голосе Петьки стояли слезы.

Ник обнял Петьку и усадил за стол. Они выпили по рюмочке дорогого коньяка, который тоже где-то достал Ник. Потом Петька ушел, оставив Ника одного. Ник хотел поговорить с Отцом, хотел услышать голос Отца. Ему нужны были Глаза, Глотка и Язык.

Язык особенно был ему нужен. Если он станет секретарем этой гребаной ячейки, хотя что значит «если»? Конечно станет. Так вот, если он станет секретарем ячейки, Язык нужен ему прежде всего. А пока нужно было закончить ремонт в их семейном гнездышке.

Ник удовлетворенно улыбнулся – пока всё идет как по маслу. Квартирка досталась ему сравнительно легко. Пришлось, конечно, ублажить одну дамочку – профсоюзного деятеля, но Ник не жалел об этом. Дамочка оказалась горячей штучкой, хоть и бальзаковского возраста. Ник привел дамочку к себе. Можно было, конечно организовать и гостиницу, но не стоило рисоваться для начала.

От Ника дамочка просто выползла удовлетворенной. Он заказал ей такси до самого дома и купил огромный букет цветов. Дамочка скромно опустила глаза, пролепетав что-то вроде: «А что я скажу мужу?», но букет взяла. Ник усмехнулся про себя – надо же, сама невинность! Как будто эта самая невинность не прыгала полчаса назад на нем подобно невыезженной кобыле!

Эта была вся плата, которую пришлось заплатить Нику. Ну, или почти вся. Он встречался с дамочкой еще несколько раз, пока у её мужа не начали возникать подозрения. Они решили временно прекратить встречи, чтобы страсти улеглись. Ник даже немного сожалел, потому что дамочка, а ее звали Татьяной Петровной, ему нравилась. Он, разумеется, не питал к ней никаких чувств, но она была тут ни при чем – он вообще ни к кому не питал никаких чувств... это было его сутью – Пустота, полнейшая черная пустота. И об этой пустоте никто их живых не должен был знать. Таково условие его Отца, и Ник не смел нарушить договор.

Скоро к нему должен переехать Петька, чтобы быть всегда под рукой. Смешно, его собственная рука должна быть под рукой! Но ничего не поделаешь, так решил Отец. Он хочет, чтобы они всегда были рядом.

Скоро встречи с Татьяной Петровной, или Таней, как она велела её называть, возобновились. То ли муж успокоился, то ли она перестала придавать значение его подозрениям, это Ник не стал выяснять. Ему было достаточно того, что она всё ещё была ему нужна. Вернее не она, а ее помощь. Поэтому Ник благосклонно принял её заигрывания, и они возобновили походы к нему домой, хотя теперь и значительно реже.

Ник закончил ремонт, и Петька переехал к нему. Он жил теперь в комнате дяди Миши, и представлялся всем товарищем Ника по детскому дому.

В это самое время Варвара, секретарь заводской комсомольской организации неожиданно объявила всем, что уходит в декрет и собирается сложить с себя полномочия. Это было как нельзя кстати. Не без помощи Тани это место занял Ник. Таня очень старалась угодить

Нику и Ник за это ее ценил. Разумеется, у него должно быть свое войско, состоящее из его поклонников... однажды он благословит Таню на служение Отцу, она будет в его пастве. Идеальная исполнительница. Ник вспомнил белое полное Танино тело с большой грудью, которая величаво колыхалась, когда они занимались сексом, и усмехнулся про себя – дамочка в самом соку, даром что не девочка.

А к Новому году Ника ждал ещё один сюрприз – Таня выхлопотала ему по комсомольской линии путевку в Париж в составе молодежной делегации. Разумеется, про себя она тоже не забыла. Как ей это удалось, Ник не стал спрашивать, понимая, что скорее всего нелегко. Но Таня очень хотела поехать с ним, чтобы побыть две недели наедине с любимым. Ник не возражал. Таня ему не мешала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.